

«100 ВАЖНЫХ КНИГ ГОДА» ПО ВЕРСИИ THE NEW YORK TIMES

НИИ
СТИВЕНСОН

ПАДЕНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

fan_zon

Fanzon. Большая фантастика

Нил Стивенсон

Падение, или Додж в Аду. Книга 1

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стивенсон Н. Т.

Падение, или Додж в Аду. Книга 1 / Н. Т. Стивенсон — «Эксмо»,
2019 — (Fanzon. Большая фантастика)

ISBN 978-5-04-111756-6

Ричард «Додж» Фортраст, миллионер и основатель известной компании по разработке видеоигр, умирает в результате несчастного случая. По условиям завещания его мозг сканируют, а структурную информацию загружают в хранилище данных, надеясь на дальнейшее развитие технологий. Проходят годы, и оцифрованное сознание Доджа подключают к Битмиру – вечной загробной жизни, в которой люди существуют как цифровые души в телах-симулякрах. Но является ли утопией этот новый дивный бессмертный мир? Драматический конфликт аналогового и цифрового, человека и машины, ангелов и демонов, богов и верующих, суетного и вечного в будущем, которое вот-вот наступит. Книга первая эпического романа Нила Стивенсона «Падение, или Додж в Аду».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

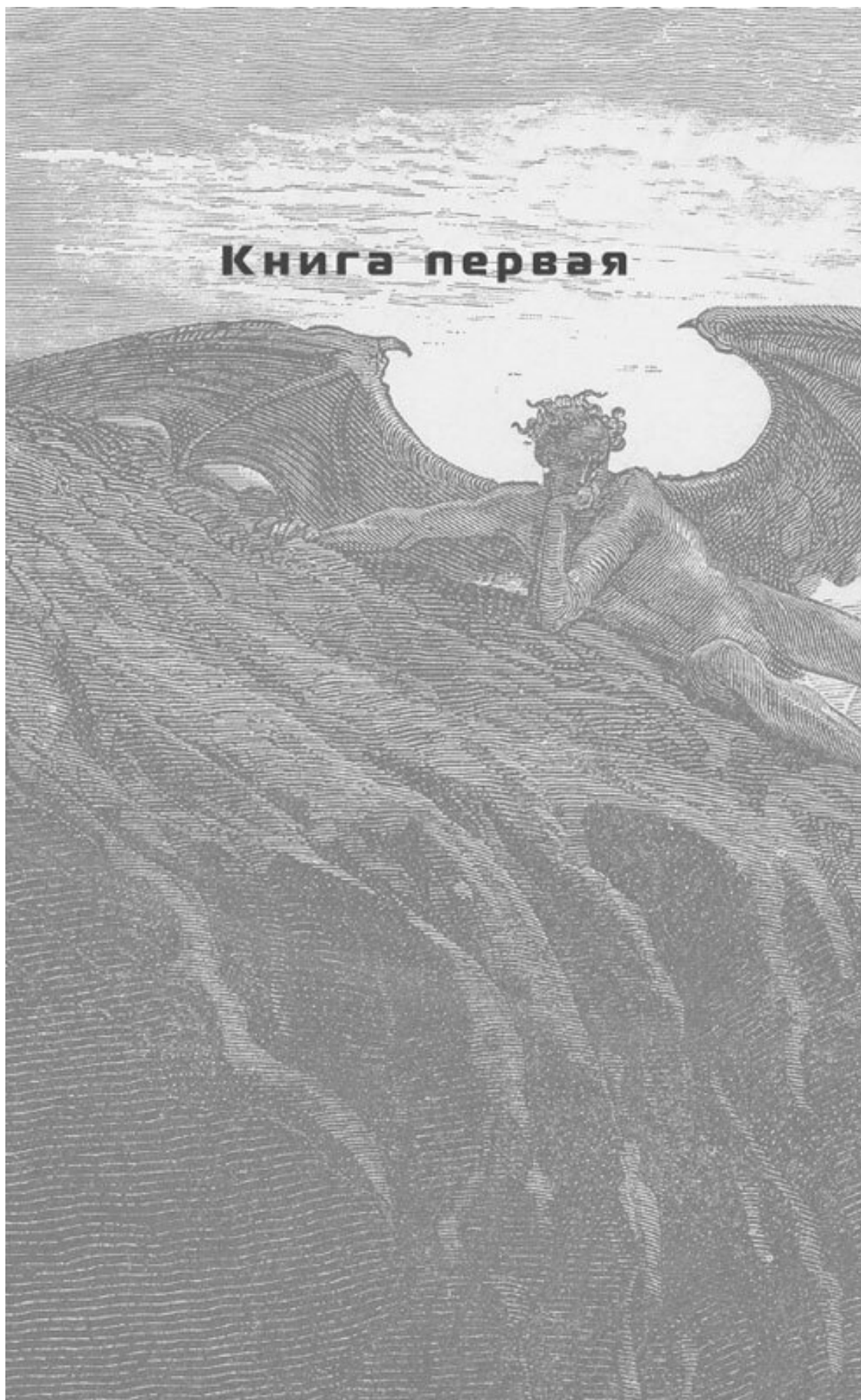
ISBN 978-5-04-111756-6

© Стивенсон Н. Т., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть 1	7
Часть 2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Нил Стивенсон
Падение, или Додж в Аду. Книга первая
Посвящается О. Л.

Часть 1

1

Додж очнулся от сна. На прикроватном столике тренькал телефон. Не открывая глаз, Додж ощупью нашел его, сдернул с зарядного провода, утащил под одеяло и перевел в режим «дремать». Телефон умолк. Додж перекатился на бок и сунул его под подушку, чтобы сподручнее было заткнуть, когда через девять минут будильник зазвонит снова. Чудо, конечно, что мозг хранит трехмерную модель кровати и соседнего с ней пространства, а значит, можно проделывать это все с закрытыми глазами, но лучше не рисковать.

Засыпать особо не хотелось, так как перед пробуждением ему снился на редкость муторный сон. Сюжет состоял в том, что он никак не мог раздобыть кофе. Додж был в айовском городке своего детства, который оставил в зеркале заднего вида более полувека назад. К тамошним воспоминаниям примешивались люди и места из более поздних времен, но прямоугольная сетка улиц, по которым он мальчишкой гонял на велике, до сих пор служила пространственной решеткой почти всех его снов. На ней, как на миллиметровке, мозг выстраивал чертеж событий.

Во сне он пошел за кофе, но на каждом шагу утыкался в самые заурядные препятствия. В мире сна это удивляло и бесило: невероятно, чтобы столько совпадений встало на пути такого простого дела.

Однако теперь, когда Додж бодрствовал или, по крайней мере, полудремал, все объяснилось просто и логично: и впрямь трудно добыть кофе, если лежишь в постели с закрытыми глазами.

За следующий час он нажимал «дремать» еще несколько раз. Но то был не совсем сон, а полузабытье, когда мысли мало-помалу превращались в путаницу обрывков. От сна оно отличалось, как пыльные нити в углу чулана – от геометрически четкой паутины.

Интересно, разработчики проводили клинические исследования, чтобы определить девятиминутный интервал дремы? Почему не восемь минут, не десять? Создатели этого телефона известны своим вниманием к мелочам. Наверняка все основано на экспериментальных данных. Не случайно, что до следующего звонка Додж только-только терял связную нить мысли. Будь интервал короче, он бы не успевал забыться и функция не оправдывала своего названия. Чуть дольше, и дрема перешла бы в настоящий сон. А так он мог считать: «Я нажал кнопку три раза. Пять раз. Я уже проспал лишний час».

Однако расчеты эти не сопровождались угрызениями совести. Додж знал, что спешить некуда. В период осознанности после третьего нажатия кнопки он вспомнил, что сегодня его в офисе не ждут. Ему предстояла рутинная амбулаторная процедура, назначенная на одиннадцать утра, то есть еще нескоро.

Помимо желания выпить кофе единственным стимулом встать была, как ни странно, мысль, что лишний сон помешает вздремнуть после обеда. Додж уже лет десять фанатично следовал ритуалу дневного сна. Поначалу он грешил на возраст: в его семье старикам случалось засыпать в церкви, на садовой скамье-качелях и даже за рулем. Потом вспомнил, как в восемнадцать колесил на раздолбанных машинах по Канаде и западной части США и часто на него накатывала просто невыносимая сонливость. Он старался перебарывать ее либо просто не ездить в это время. С тех пор ничего особо не изменилось, просто он разбогател и обзавелся личным кабинетом с ковриком для йоги и подушкой в углу, а равно поумнел и уже не боролся с послеполуденной сонливостью. Всего-то и надо, что закрыть дверь, перевести электронику

в беззвучный режим, раскатать коврик, лечь и вырубиться минут на двадцать, а в итоге он получал силы еще на несколько часов интенсивной работы.

Сколько именно проспать, значения не имело. Додж пришел к выводу, что для успешного дневного сна важен лишь обрыв сознательного восприятия – миг, когда перестаешь мыслить связно и проваливаешься в забытие. Часто это сопровождалось судорожным подергиванием руки или ноги, когда он переступал порог сна, в котором должен был поймать мяч, или открыть дверь, или что-нибудь в таком роде. Если судорога его не будила, значит, нить сознания оборвалась и дневной сон достиг своей единственной важной цели. Даже если он просыпался через десять секунд, то чувствовал себя не менее (а может, даже более) бодрым, чем если бы час продрых как убитый.

Додж изучал эту судорогу. В тех все более редких случаях, когда он спал с женщиной, он иногда нарочно перебарывал сон, слушал ее дыхание, чувствовал, как мягчеет ее тело, и дожидался мгновения, когда она, проваливаясь в забытие, дернет рукой или ногой.

По работе (он был основателем и президентом крупной компьютерно-игровой компании) ему иногда случалось летать частным самолетом на остров Мэн, в восьми часовых поясах отсюда, где в отреставрированном замке жил его давний деловой партнер – разбогатевший писатель. Писатель укладывал гостя в одной из двух башен. Круглую спальню украшали предметы средневекового интерьера и согревал большой камин, в котором горели настоящие дрова. Огромная кровать венчалась тяжелым балдахином. Года два назад, забравшись под балдахин и пролежав какое-то время без сна, Ричард (это было настоящее имя Доджа) провалился в кошмар с участием крайне опасного и неприятного персонажа, которого имел несчастье встретить за несколько лет до того. Проснулся он в галлюцинаторной уверенности, что этот персонаж стоит рядом и на него смотрит. Чистейший абсурд, поскольку персонаж давно умер, однако Ричард был в полудреме, когда логика выключается. Он попытался сесть. Ничего не произошло. Попытался поднять руки. Они не сдвинулись и на волос. Попытался набрать в грудь воздуха и заорать, но тело не слушалось приказов мозга. Он был совершенно беспомощен и не мог даже извиваться, как связанный пленник. Ему оставалось лишь переживать ужас полнейшего бессилия, пока его вновь не накрыло сном.

Через несколько мгновений он резко проснулся и сел. Тело снова работало. Он сбросил тяжелое одеяло, спустил ноги на пол и повернулся к догорающему камину в нескольких футах от кровати. В комнате никого не было. Массивная дверь, похожая на крепостные ворота, была по-прежнему заперта. Кошмарное ощущение, такое убедительное минуту назад, теперь казалось смешным. Ричард на пробу лег и увидел, что ночник отбрасывает на балдахин тень, и эта тень колыхнется в дрожащем свете камина. Видимо, во сне он приоткрыл глаза и принял тень за человеческую.

Так что причина кошмара нашлась. Впрочем, загадкой был напавший на него в кошмаре полный паралич. Позже Ричард выяснил, что это хорошо известное и научно подтвержденное явление под названием сонный паралич. Примитивные культуры объясняют его магией или выдумывают истории про жутких ночных тварей, которые садятся тебе на грудь, прижимают тебя к кровати, высасывают воздух из легких и крик из глотки.

Но для этого феномена есть вполне рациональное объяснение. Когда вы бодрствуете, ваш мозг, естественно, контролирует ваше тело. А вот когда вы спите, вы обычно видите сны. И во сне вы можете бегать, драться, говорить. Если бы тело по-прежнему выполняло приказы мозга, вы метались бы по кровати, орали и так далее. Поэтому эволюционно выработался механизм, вроде рубильника, отключающий связь мозг-тело, как только обрывается нить сознания. А в миг пробуждения рубильник переходит в положение «вкл», и вы продолжаете двигаться как всегда. Обычно система работает безотказно, и большинство проживают жизнь, не догадываясь о ее существовании. Но любая система дает сбой. Один из этих сбоев – судорога в момент засыпания; она означает, что выключение рубильника запаздывает на долю секунды. Другой,

более пугающий сбой происходит изредка, особенно с людьми, которые, как Ричард на острове Мэн, спят в непривычное время суток. Вы просыпаетесь, но рубильник не встает в положение «вкл», и вы остаетесь парализованным, как за мгновения до того во сне. Подобно человеку, который дышит размеренно и вроде бы мирно спит, а на самом деле видит ужасный кошмар, вы лежите с открытыми глазами в полнейшем покое, не в силах ничего поделать с воображаемой тварью на груди, врагом подле кровати, огнем, пожирающим ваш дом.

В любом случае никаких долговременных последствий этот случай не оставил, если не считать новых праздных интернет-поисков касательно природы сна и раздумий над своей привычкой ложиться после обеда. Так Додж развил свою теорию (не подкрепленную никакими научными данными), что залог успеха дневного сна – разорвать нить сознания ровно настолько, чтобы рубильник встал в положение «выкл». Когда он вновь встанет в положение «вкл», пусть даже всего через несколько минут, вся система мозг-тело перезагрузится, словно зависший компьютер, который всего-то и надо, что выдернуть из розетки и включить заново.

Мысль про обрывание нити окончательно его разбудила, поскольку вызвала некую ассоциацию. Додж достиг того этапа жизни, когда остается очень мало настоящих стимулов встать с кровати, но вот на что он всегда с готовностью отзывался, так это на зов собственных произвольных мыслей, желание отыскивать связи и параллели.

Впрочем, с кровати его подняла не ассоциация, а звон в ушах, который сегодня был хуже обычного. Мир напоминал Доджу, что нужно встать и немного пошуметь. Собственно, дело это было не новое: слишком много он в молодости палил из ружей и забивал гвозди, слишком много вечеров провел в байкерских клубах Британской Колумбии. А несколько лет назад еще и оказался в гуще перестрелки без адекватных средств защиты органов слуха. Точнее сказать, вообще без средств защиты. С тех пор в ушах звенело почти всегда, сильнее или слабее. Причина звона оставалась загадкой. Похоже, мозг честно пытался объяснить себе отсутствие значимого сигнала от ушей, которые уже не работали как следует. Гипотеза вроде бы подтверждалась тем, что звон усиливался в тишине; окружающая среда не давала слуховой системе нужных данных. Помогало от этого устроить шум. Не обязательно громкий. Обычный звук шагов или струи из-под крана убеждал мозг, что вокруг по-прежнему существует нормальный мир, и давал несколько простых подсказок касательно настоящего положения вещей.

Ричард встал, надел пижамные штаны, сходил в туалет, принял таблетки, которые полагось принимать до завтрака, и пошел в так называемую большую комнату своего пентхауса на крыше небоскреба в центре Сиэтла. Это была супердорогая недвижимость, спроектированная и обставленная в принятом у ИТ-магнатов Северо-Запада стиле почти претенциозного минимализма. Стеклопакетные двери на террасу Ричард с вечера оставил открытыми, удвоив таким образом размер жилой площади. Стеклопакетный потолок террасы был оборудован встроенными инфракрасными обогревателями вроде тех, что висят над кассами в «Хоум депо», чтобы кассиры – сомалийцы и филиппинцы – не умерли от переохлаждения. В холод и дождь, то есть примерно половину года, обогреватели поддерживали тут комфортную температуру. В конце лета и (как сейчас) ранней осенью они были не нужны, и терраса просто служила продолжением большой комнаты, перетекавшей в нее без помех. Она выходила на залив Эллиот и горы Олимпик.

Строгость дерева, кожи и камня нарушали аномальные розовые и малиновые цветочные всплески. У Ричарда часто гостила внучатая племянница София, к которой он относился как к родной внучке. В прошлые выходные родители – племянница Ричарда Зула и ее муж Чонгор – оставили Софию у него, чтобы вырваться на двое суток в Порт-Таунсенд на другом берегу залива Пьюджет. С террасы паромная пристань была как на ладони. Рядом с парашютом Ричард когда-то установил на штативе огромный советский бинокль из списанных военных запасов. Когда паром отошел от пристани, Ричард поднял Софию на табурет и помог навести бинокль. Тем временем Зула и Чонгор, оставив машину внизу, вышли на корму верхней палубы и стали

махать Софии. Вся операция координировалась эсэмэсками и была проведена с точностью атаки беспилотников к полному восторгу маленькой Софии. У Ричарда ощущение было какое-то необъяснимо тягостное. Или, возможно, правильнее назвать это печальной задумчивостью.

Последовали сорок восемь часов тесного общения между двоюродным дедом и внучатой племянницей. За это короткое время атрибуты современного детства заполнили Ричардову квартиру. Даже если бы Софию ни разу больше к нему не привели, он продолжал бы находить чипсы, блестяшки, заколки и липкие отпечатки пальцев еще лет двадцать.

В воскресенье вечером операцию с биноклем повторили. Зула объяснила, что в Софином возрасте психологически очень полезно видеть, как родители уезжают, а потом – как они возвращаются. Забирая Софию, Зула и Чонгор в суете позабыли экосумку «Хол Фудс» с детскими книжками. Ричард поставил ее к двери, чтобы труднее было забыть в следующий раз, но, пока работала кофемашина, перенес на террасу. Он пристроил сумку на журнальном столе рядом с кофейной чашкой и достал две большие книги, купленные для Софии в воскресенье. Обе были с яркими картинками в псевдонаивной манере, обе написаны и проиллюстрированы Ингри и Эдгаром Пареном д’Олер. Одна называлась «Древнегреческие мифы», другая – «Скандинавские мифы». Ричард с Софией бродили по книжному магазину, и обложка «Древнегреческих мифов», замеченная краем глаза, стрельнула по оптическому нерву в мозг и вызвала временный столбняк наподобие сонного паралича на острове Мэн. Или, учитывая контекст, это было, как будто он увидел Медузу Горгону (кстати, возможно, мифы о горгонах и василисках – доннаучное объяснение феномена сонного паралича?).

Книги д’Олеров впервые вышли, когда Ричард был еще маленьким. Свой экземпляр он зачитал до дыр, перелистывал снова и снова, заучивал родословия титанов, богов и кого там еще, а по большей части просто разглядывал картинки, давая им наполнять и формировать свой мозг. Картинки были в обычной манере малышейовых книжек и оттого, наверное, поражали детские нейроны, как герпес. И, подобно герпесу, они латентно дремали в центральной нервной системе много лет. От внезапного контакта с обложкой вирус пробудился и стал contagiозным. Ричард приступил к магазинной полке, словно древний эллин, восходящий по ступеням Зевесова храма, и узрел книгу, ровно как ее помнил, только новенькую и нечитаную, с предисловием знаменитого современного писателя, тоже, видимо, бредившего ею в детстве. София, которая тащила за Ричардом, держась за его ногу и вытирая нос о его штаны, ощутила в дядюшкиной реакции нечто сверхчувственное и заразилась. Ричард купил оба тома и после дня полного погружения вернул Софию родителям одержимым подменным. Она, захлебываясь, рассказывала о тактике ликвидации Гидры, о рукавицах Утгарда-Локи размером с дом и упрекала старших, что те путают римские и греческие имена богов. Воистину велик был гнев Софии, когда обнаружилось, что книги забыли в экосумке «Хол Фудс». Воистину славным будет деяние дяди Ричарда, когда вечером, после амбулаторной процедуры, он заявится к молодому семейству с двумя томами д’Олеров под мышкой.

А пока Ричарду надо было разрешить одну маленькую мифологическую путаницу, дабы София, призвав его к ответу, не уличила в невежестве. Дело касалось судебных и норн.

Сняв греческие мифы с полки в книжном магазине, он чуть ли не первым делом открыл предметный указатель и нашел фурий – украдкой и немножко даже виновато. Ричард отличался тем, что у него не было совести или суперэго в обычном понимании слова. В его душе отсутствовал встроенный взрослый контроль. Однако на протяжении жизни у него было примерно десять серьезных романов. Каждый раз отношения постепенно портились по мере того, как дама узнавала Ричарда ближе и составляла полный перечень его изъянов. Некоторые держали свое мнение при себе до очистительного словоизлияния перед разрывом. Другие честно заявляли претензии в режиме реального времени. В любом случае Ричард помнил каждое слово через десятилетия после того, как дамы, надо думать, забыли о его существовании. Более того, мозг каким-то образом создал полностью автономные симулякры бывших, которые жили

в голове у Ричарда вечно, говорили с ним в самые неожиданные моменты, реально влияя на его поступки и мысли. Прежде чем уволить сотрудника или пропустить чей-нибудь день рождения, он задумывался о последствиях: та или иная Муза-Фурия (как он их называл) стусится из мозговых паров и выдаст несколько едких замечаний, от которых ему будет худо. Скрестить в одном сочетании муз и фурий было его собственной вольностью, отклонением от мифологической чистоты, за которое София (уже превращавшаяся в мини-Музу-Фурию) его бы отчитала. Идею эту Ричард носил в голове так долго, что различие между двумя категориями низших богинь для него стерлось. Теперь, заполучив в руки архикнигу, он решил, что полезно будет их посмотреть.

Термин «фурии» в указателе был просто перекрестной ссылкой на более правильное «эриний». Судьбы (мойры) толковались как «три старые богини, определяющие продолжительность человеческой жизни». Найдя «эриний» (богинь мести), Ричард перешел на страницу шестьдесят, где они упоминались впервые, и прочел, как души переправлялись через Стикс (на пароме, между прочим) и пили из Леты «под черными тополями», отчего забывали, кто они и что делали в смертной жизни. Отлично. Но дальше говорилось, что «великих грешников» ждали вечные муки под бичами фурий. Неприятно думать, что тебя будут вечно бичевать в наказание за грехи, которые ты забыл под темными тополями. Грешники в христианской версии ада хотя бы помнят, за что горят в вечном огне, но бедные бессловесные греки могли только мучиться, не зная, чем провинились, и не помня даже, что такое быть живым и не мучиться. Ричарду было не совсем ясно, может ли пост-Летейская душа вообще считаться тем же существом, ибо разве наши воспоминания не часть нас самих?

И все же была в этом какая-то глубокая правда. Ричард чувствовал иногда, что продолжает терзаться из-за давно забытых поступков – поступков, совершенных, когда он не был собой теперешним. И кто не знал злополучных горемык, неудачников, вечно страдающих вроде бы ни за что ни про что?

Следующее упоминание эриний было как раз перед более оптимистичным разворотом о музах. Это был хороший материал, куда более подходящий для Софии, к тому же он напомнил Ричарду, что его собственные Музы-Фурии – богини не только мщения, но и творчества; некоторые самые продуктивные идеи рождались в мысленных диалогах с этими достойными дамами. Так что в первую очередь его занимали «фурии», а «мойры» были сбоку припеку, но сегодня утром он почему-то не мог отделаться от мысли о них.

А все из-за нитей. Лежа в постели, Ричард думал о нити сознания и о том, что ее обрыв – обрезание связи между телом и мозгом – залог успешного дневного сна. И он помнил, что где-то в д'Олерах есть картинка, на которой мойры прядут, отмеряют и обрезают нить. За кофе он пролистал все «Древнегреческие мифы», но так ее и не нашел.

Кофе был божественный. Кофемашина стояла больше, чем первый автомобиль Ричарда, и все известное науке о технологии приготовления кофе воплотилось в ее механизме и алгоритмах. Зерна обжаривали вручную в ста ярдах отсюда – в стартапе, созданном чудо-кофеделами, которые приехали сюда работать для «Старбакса» и выделились в отдельную компанию, как только фондовые опционы перешли в их полную собственность. Однако вкус у кофе был потрясающий не только из-за прекрасной машины и обжарки, но еще и потому, что Додж проснулся, что он был жив и ощущал этот вкус телесно, как не мог бы ощущать спящий-Додж-во-сне. В этом смысле проснувшийся Додж превосходил спящего Доджа, как живой человек – призрака. Додж, видящий кофе во сне, соотносился с пьющим кофе Доджем, как одна из теней в Аиде (д'Олеры сравнивали их с сухими листьями на холодном осеннем ветру) – с живым человеком из плоти и крови.

Первую чашку он осушил, ища картинку с обрезанием нити. Текст, как Клото, Лахесис и Атропа прядут ее, отмеряют и отрезают, нашелся, а картинка – нет, хотя Ричард отчетливо помнил, что показывал ее Софии два дня назад.

За второй чашкой кофе ему пришла мысль проверить «Скандинавские мифы». Тут-то она и обнаружилась: полуполосная цветная иллюстрация, на которой три блондинки – здесь они звались норнами – прядут нити жизни у основания мирового древа. Урд, Верданди и Скульд. Если забыть про имена и цвет волос, они были абсолютно идентичной заменой своих греческих аналогов.

Сразу после школы Ричард сбежал в Канаду, не получив высшего образования, и нигде потом не учился, но из книг знал, что мифология накапливается как осадочные слои. Видимо, здесь был именно такой случай. Задолго до древних греков и скандинавов некая культура заложила мойр-норн в фундамент, на котором потомки затем строили свое. Соответственно, они всегда воспринимались как дополнительные компоненты к более развитой мифологии. Или даже наоборот. Они настолько просты, что их лучше не трогать. Ричард, сделавший состояние в цифровой индустрии, видел в норнах, мойрах, или как их еще называют, базовые функциональные средства операционной системы. Зевс не имел над ними власти. Они знали прошлое и будущее. В легендах к ним прибегали только тогда, когда что-нибудь кардинально разлаживалось на метафизическом/космологическом уровне, либо с целью заткнуть сюжетные дыры. В греческой версии Клото была пряхой – создательницей нитей. Лахесис отмеряла длину. Соответственно, та же кнопка «дремать» – все время, пока Додж лежал в постели, в руках у Лахесис была девятиминутная мерная лента. Атропа орудовала ножницами. Древнегреческий вариант Мрачного Жнеца. Хотя по теории, которую выстраивал Додж, обрыв сознания при переходе ко сну – по сути та же смерть, с той разницей, что можно проснуться.

Завтракать Ричард не стал, потому что ассистент, записывавший его на процедуру, сказал что-то про желательность прийти натошак. Вместо этого он пошел в душ. Выйдя из душевой кабины, он был зачарован странным освещением – холодным, кружевным, не искусственным, но и не солнечным. Ощущение было сюрреалистическое, как будто попал в кадры сна, снятые режиссером, который не добыл денег на серьезные спецэффекты, поэтому обошелся световыми трюками. Станный свет шел из северного окна. Сварщик, что ли, снаружи работает? Наконец Ричард сообразил, что солнце, встающее над Каскадными горами на востоке, отражается от зеркальных окон офисного небоскреба в нескольких кварталах отсюда. Додж прожил в этом пентхаусе пять лет, и все равно порой отражение солнца от соседних зданий устраивало ему фантастические сюрпризы. Астроном, наверное, оттянулся бы, рассчитывая углы, как они меняются от часа к часу и от сезона к сезону.

Из-за странного света отражение в зеркале тоже выглядело необычно. Ричард повертел головой, отыскивая новые родинки. Рыжий и веснушчатый, он десятилетиями готовился к завершающей схватке с меланомой, которая, по мрачным прогнозам дерматологов, ожидала его почти неизбежно. Раньше он проводил ежемесячный самоосмотр с почти параноидальной тревогой, однако годы шли, а схватка не начиналась. Ричард почти досадовал, что страшный враг, для битвы с которым он препояслся, вроде бы про него забыл.

Затем он приступил к бритью, поскольку заметил трехдневную рыжеватую щетину. Медики скоро будут проводить манипуляции с его бесчувственным телом. Смогут разглядывать его, сколько захотят, примечать, в чем он себя запустил. Он в какой-то мере знаменитость и должен за таким следить. Может, это повлияет на акции его компании или что-нибудь в таком роде.

Он ждал, что странный свет будет краткосрочным, и приятно удивился, что тот с каждой минутой становился все сильнее. Противоестественная бледность приобрела теплый оттенок, как от живого огня. Свет озарял маленькую раковину и фартук за ней. Для бритья Ричард, как всегда, пользовался мылом – особенным, которое покупал у компании на юге Франции. Оно пахло приятно, не парфюмерно, и запах не оставался надолго. Сейчас он только что положил мыло обратно в мыльницу, и оно было еще в пене. Через несколько минут пузыри высох-

нут и полопаются, но сейчас они вспыхивали в свете, преодолевшем девяносто три миллиона миль от исполинского термоядерного пекла в центре Солнечной системы и отразившемся от окон небоскреба. Каждый пузырек давал исключительно яркий блик, не белый, а радужный, поскольку мыльная пленка в силу каких-то там свойств (тут Ричард был слабовато подкован) разлагает цвет на чистые спектральные тона. Невероятно красивое, но совершенно обыденное явление не дало бы столько пищи для размышлений, если бы его компьютерно-игровая компания не вбухивала уйму денег и человеко-лет в задачу, как с помощью компьютерного кода более совершенно изобразить воображаемый мир. А это явление было как раз особенно сложно передать. О, существует множество способов сжулить, например нанести на куски мыла специальные шейдеры, чтобы в течение шестидесяти секунд после использования они были как будто в пене. Но это не более чем уловка. По-настоящему воспроизвести физику мыла, пузырей, воздуха, воды и прочего чудовищно дорого, и при его жизни этого не произойдет.

Дело это трудное, даже если моделировать каждый пузырь не как маленькое чудо динамики жидких сред, а просто как отражающую сферу. Несколько лет назад один из инженеров Корпорации-9592 (классический гуманитарий, подавшийся в программисты ради приличного заработка) назвал это проблемой «Руки с зеркальным шаром» и уел коллег-технарей, показав одноименную эшеровскую литографию. Это автопортрет художника – отражение в металлическом шаре, которую тот держит в левой руке. Лицо Эшера посередине, но геометрически искажено, так что по краям виден его кабинет. На заднем плане окно, сквозь которое, разумеется, проникает свет, прошедший не менее девяносто трех миллионов миль. Суть доклада заключалась в том, что для точного 3D компьютерного изображения такого простого объекта, как блестящий шар, нужно учесть каждый объект во вселенной. Инженер-гуманитарий – новый сотрудник по имени Корваллис Кавасаки – добавил, что проблема зеркального шара восходит как минимум к немецкому гению и ученому-энциклопедисту Г. В. Лейбницу, который изложил это все в терминах теории монад. Тут программисты рангом повыше зашикали паренька, и Ричард сделал мысленную отметку выдернуть того из нынешнего подразделения в свой личный отдел Заумных исследований. Так или иначе, в данном случае суть была в том, что каждый пузырик на куске мыла по меньшей мере так же сложен, как эшеровский шар. Отрендерить такое реалистично невозможно. Ричарда, впрочем, проблема не злила, а, наоборот, успокаивала – он даже чуточку гордился, что живет во вселенной, чья сложность не поддается алгоритмическому воспроизведению.

Умываясь, он закрыл глаза, потом снова глянул в зеркало. Посредине поля зрения было маленькое пятнышко там, где его ослепил яркий свет от пузырей. Обычно оно скоро исчезало, сменяясь тем, что глаз должен видеть на самом деле.

Однако сейчас этого не произошло. Когда Ричард снова закрыл глаза, чтобы вытереть лицо, крохотное пятнышко осталось. Это было ничто, но иное ничто, чем красноватая чернота при закрытых веках. Ричард знал, что это, поскольку такое приключалось с ним несколько раз в году. Минуту назад солнечный блик включил в его мозгу глазную мигрень, безболезненную и неопасную. «Ауру» вызывало временное нарушение кровоснабжения зрительной коры головного мозга. Она всегда начиналась с такого вот пятнышка, которое не желало уходить. В следующие полчаса оно вырастет, так что невозможно станет читать, затем постепенно сместится вправо и будет некоторое время мешать периферическому зрению, прежде чем исчезнуть без следа.

Слепая область была не черной, как вы могли бы подумать. Когда Ричард закрывал глаза, то есть действительно видел черное, она проступала как узор из нечетких желтых и черных полос, вроде тех, которыми обозначаются опасные зоны на производстве, только еще мерцала и плыла, как экран старого телевизора со сбитой синхронизацией кадровой развертки.

За всеми этими соображениями он продолжал выстраивать оборону против вероятной фланговой атаки со стороны Поликультурии, одной из Муз-Фурий, утверждавшей, что любые

идеи Ричарда культурно обусловлены. В данном случае она могла ждать тактической поддержки от Церебры, непреднамеренно вредной МФ, имевшей привычку указывать, что любая якобы умная Ричардова мысль – на самом деле ухудшенный вариант более умной мысли, пришедшей ей в голову давным-давно. Предполагаемая линия атаки Поликультурии-Церебры была такая: о'кей, поскольку у Ричарда вышла из строя часть зрительной коры, он видит в этой области «ничто». Его мозг постоянно выстраивает своего рода трехмерную модель вселенной, позволяющую, например, с закрытыми глазами найти телефон на прикроватном столике. Он не может вынести «ничего» среди понятной в остальном реальности, а потому заполняет ничто кое-чем. Это просто визуальный эквивалент звона в ушах.

Но почему это конкретное кое-что? Ричард воспринимает «ничто» как черно-белые предупредительные полосы, разлаженный телевизор и так далее, но лишь потому, что он белый мужчина определенного возраста из штата Айова. Маорийская повитуха, римский центурион-гомосексуал или синтоист одиннадцатого века, столкнувшись с тем же неврологическим явлением, поместили бы на место «ничто» другие страшилки из собственного набора культурных отсылок – например, стену холодного колдовского пламени, окружающую владения Гюмира в Ётунхейме (согласно «Скандинавским мифам»).

Временная слепота дала предлог не окунаться в Галдеж. В прошлом десятилетии он бы сказал «не проверять почту», однако, разумеется, электронная почта – наименее назойливый способ из всех, какие Миазма (как Ричард называл интернет) изобрела для кражи нашего внимания. Ричард объединял их под заголовком «Галдеж». Он не ждал, что сегодня в Галдеже есть для него что-нибудь важное, поскольку с помощью секретарей оградился системой чар и заклятий вроде автоматических сообщений «нет на рабочем месте» и так далее.

Таким образом, ему предстояло убить время до визита к врачу. Ричард убрал д'Олеров обратно в сумку и (раз уж в нынешнем полуслепоем состоянии все равно ничего другого сделать не мог) обошел пентхаус, проверяя, не забыла ли София что-нибудь еще, а затем спустился на лифте в вестибюль здания. Между лифтовым холлом и выходом располагалось кафе-пекарня. Ричард собирался купить «Нью-Йорк таймс» и, когда зрение прояснится, решить кроссворд. Не то чтобы он любил кроссворды как таковые, но само сознание, что у него есть на них время, помогало ощутить себя свободным человеком.

Во, хозяин пекарни, вышел поздороваться. Это был вьетнамец на седьмом или восьмом десятке, достигший вершин пекарского мастерства благодаря французскому колониальному присутствию на своей родине. Заведение было серьезное – не мини-духовка за кассой, а целый комплекс мраморных разделочных поверхностей, миксеров размером с лодочный мотор и огромных печей в глубине здания. За стеклом пожилые азиаты и хипстеры в сеточках на волосах раскатывали тесто и вручную лепили круассаны. Во не считал свой бизнес успешным, если всякий в радиусе полкилометра не шел каждый вечер домой с багетом под мышкой.

В торговом зале стояло пять-шесть столиков, а со стороны тротуара было окошко с кассой. Отдельный вход соединял пекарню с вестибюлем. Ричард вошел в эту дверь, взял еще чашку кофе и «Нью-Йорк таймс». Во старался втолковать, что вчера через знакомых на рынке Пайк-Плейс получил бушель спелых яблок из долины Якима¹ – всего на несколько тарт татен, которые он приберег для особо любимых постоянных покупателей. Не то чтобы это был такой уж секрет, поскольку весь первый этаж благоухал яблоками. Во подкрепил вербальное сообщение наглядной демонстрацией, возможно, по привычке, выработанной за десятки лет, пока он мучительно осваивал английский. Мягко придерживая Ричарда под локоть, Во отвел его за прилавок и показал картонную коробку, до половины наполненную яблоками. Порылся, отыскал достойный образец и показал, держа в пальцах. Жест явственно напомнил Ричарду эше-

¹ Долина Якима в штате Вашингтон известна как один из лучших производителей яблок в мире.

ровскую «Руку с зеркальным шаром», только, разумеется, вместо шара было яблоко. Американские покупатели старой закалки в местном супермаркете брезгливо отвернулись бы. Оно было вполовину меньше твердых, блестящих ред делишес, которые обычно продаются в таких местах, темно-красное с одного боку и желтовато-зеленое с другого, в темных точках и с двумя листиками на черешке, однако до того круглое и налитое, что, казалось, вот-вот лопнет. Во поднимал яблоко все выше, поглядывая то на него, то на Ричарда.

– Вот это я понимаю, настоящее! – сказал наконец Ричард.

Не самое глубокомысленное высказывание, но иначе Во бы не унялся. В награду тот настоял, чтобы Ричард захватил яблоко на перекус. Ричард взял подарок с должной церемонностью, словно японский бизнесмен, принимающий визитную карточку, огладил пальцами бока, повертел туда-сюда, восхищаясь цветом, и аккуратно убрал в сумку. Скоро он оказался за всегдашним столиком с кофе, кроссвордом и куском тарта.

Только съев две трети ломтика, Ричард внезапно вспомнил, что доктор велел не есть перед процедурой. Утром помнил и не позавтракал, но начисто обо всем позабыл перед соблазном тарт татен, минутой назад вынутого из печи.

Он виновато глянул на оставшуюся часть – лучшую, поскольку там была хрустящая корочка, – и в конце концов решил ее съесть. Вряд ли прийти не натошак действительно так уж страшно. Это просто что-то вроде рекомендации выключать мобильный, когда заправляешь машину, раздутой юристами до истерического предупреждения. А в той мере, в которой опасность все-таки есть, сделанного не воротишь. Три трети ломтика в желудке не могут быть хуже двух третей. А если оставить недоеденное на тарелке, Во заметит, неправильно поймет и, возможно, лишит его статуса особо любимого постоянного покупателя.

Куда важнее потенциальных медицинских осложнений был вопрос: не следует ли считать забывчивость тревожным звоночком, первым признаком старческого маразма? То, как стремительно он расправился с кроссвордом, вроде бы опровергало опасения. Но тут работает долговременная память, верно? Ричард не мог сказать точно. В детстве он не ведал о существовании маразма, пока старший двоюродный брат на семейном сборище не открыл ему глаза и не привел краткий (и, как задним числом стало понятно, чудовищно неточный) список симптомов, выразительно поглядывая на бабушку. После этого Ричард с избытком компенсировал прежнюю наивность, высматривая эти симптомы у всех сколько-нибудь пожилых родственников.

2

Медики очень твердо стояли на том, что после процедуры он не сможет вести машину из-за сильнодействующих препаратов, которые ему введут, что в практическом смысле он будет полным инвалидом и что процедуру не станут даже начинать, пока он не назначит ответственного, который заберет его из больницы и не допустит до управления транспортным средством. Поэтому сейчас Ричард прошел два квартала до остановки, сел в автобус, который шел к медицинскому центру на холме за центром города, и удобно устроился на сиденье в середине салона.

Он разблокировал телефон. Экран покрывала красная сыпь кружочков с укоризненными циферками – следствие двенадцатичасового пренебрежения Галдежом. Ричард заставил себя не смотреть на уведомления, открыл адресную книгу, пролистал до буквы «К» и нашел пять разных контактов для Корваллиса Кавасаки. Некоторые были с маленькими картинками, и это помогло угадать, которые из них устарели. По большей части они накопились за годы, когда Корваллис плотно работал с Ричардом в Корпорации-9592, компьютерно-игровой компании, сделавшей Ричарда миллиардером, а Корваллиса, на лексиконе ИТ-индустрии, децимиллионером. На снимках он был с кружкой пива в баре либо в комических/ликующих позах, связанных с успехами компании в онлайн-игровой отрасли. Впрочем, имелась и очень официальная, почти как на документ, фотография Корваллиса с тщательно уложенными волосами, в

костюме и при галстукe. На этой фотографии, сделанной всего несколько месяцев назад, значилась и должность Корваллиса – технический директор «Нубилант индастриз», компании, которая занималась облачными вычислениями. Она возникла несколько лет назад в результате «ролл-апа», как на ИТ-жаргоне называется приобретение и слияние нескольких компаний, работающих в одной нише. Корваллиса переманили из Корпорации-9592 жирным фондовым опционом. Ричард жалел о его уходе, но вынужден был признать, что решение очень правильное: Корваллис руководил переездом Корпорации-9592 со старомодных серверных шкафов в облако и получил за это не такое щедрое вознаграждение, как те, кому повезло больше. С тех пор как Корваллис ушел в «Нубилант» (офис компании располагался почти в центре Сиэтла), они с Ричардом несколько раз обменялись сообщениями, что хорошо бы встретиться и пропустить по глоточку, но пока все никак не срасталось. Сегодня Додж, прокручивая их переписку, нашел в конце тучу сообщений от воскресного вечера: Корваллис соглашался уйти с работы после обеда, забрать одурманенного Ричарда из клиники и посидеть с ним в кафе или где-нибудь еще, пока он не оклемается.

«Еду в больничку», – отбил Ричард, затем выудил из сумки тяжелые наушники и нахлобучил на голову. Звуки автобуса стали приглушенными. Ричард воткнул наушники в телефон и включил, поскольку они были электронные шумоподавляющие. Они тут же начали гнать ему в уши антишум, отчего все стало еще тише.

Корваллис ответил «ок». В окошке появилось многоточие, означающее, что тот продолжает набирать.

Додж активировал музыкальное приложение и начал прокручивать плей-лист до буквы «П». Звон в ушах усилился из-за противоестественной тишины, созданной активным шумоподавлением.

Корваллис добавил: «Могу отвезти тебя на работу. Хочу показать, что мы тут делаем. Это суперкруто».

Ричард решил не отвечать. При всем дружеском отношении к Корваллису он ненавидел долгие экскурсии по ИТ-компаниям. Он вбил в окошко поиска «Помпезус Бомбазус». Уши наполнил роскошный звук симфонического оркестра в полном составе, поддержанный хором и усиленный энергичной секцией перкуссии. «Помпезус Бомбазус» была любимой группой Ричарда. Очевидно, она состояла всего из одного человека в какой-то немецкой студии: оркестр, хор и все остальное создавалось синтезатором. Чувак несколько лет назад заметил, что во всех малобюджетных ужастиках саундтреком служит одна и та же музыка, «Кармина бурана» Карла Орфа. Эта кантата превратилась в клише, способное скорее насмешить, чем напугать. Немецкий чувак, который влачил голодное существование свободного художника в попытках выстроить карьеру диджея, родил гениальную мысль, преобразившую его жизнь. Судя по кинорежиссерам, есть неудовлетворенный спрос на музыку, единственным образцом которой остается «Кармина бурана». Рынок (если можно назвать так мир композиторов и музыкантов) не откликается на спрос. Почему бы не записывать собственную музыку, которая будет звучать как саундтрек к таким киноэпизодам, которые всегда идут под «Кармина бурана»? Она не должна быть такой же, но обязана вызывать те же чувства. Немец взял себе имя «Помпезус Бомбазус» и выпустил одноименный альбом, который тут же с энтузиазмом спирали и выложили на торренты, откуда его принялись бесплатно качать начинающие режиссеры, объединенные чувством, что если еще раз услышат «Кармина бурана», то проткнут себе барабанные перепонки карандашом. С тех пор «Помпезус Бомбазус» выпустил еще пять альбомов. Все их Ричард скачал легально и слил в один длинный плей-лист. Душераздирающий надрыв этой музыки превращал разгрузку посудомойки в эпохальное событие масштаба заключительной сцены «Космической одиссеи 2001 года». В данном случае это было мягкое ехидство в адрес Си-плюса (как Додж называл Корваллиса). Он не хотел говорить этого прямо из страха, что Си-плюс неверно его поймет, но в последние годы их профессиональных отно-

шений Си-плюс был для Ричарда не столько техническим экспертом самого широкого профиля, сколько интеллектуальным помощником и подсказчиком. Когда дело доходило до всего, что Ричард не выучил в свои исключительно бурные восемнадцать – двадцать пять лет, Корваллис был его Вергилием и его мистером Пибоди².

Например, когда несколько лет назад Ричард заметил, что действие почти всех его снов разворачивается в одном и том же айовском городке, Си-плюс объяснил, что это связано с известной догадкой немецкого философа по фамилии Кант. Тот утверждал, что человеческий мозг вообще не способен думать ни о чем, не привязывая это к пространству-времени. Мозг просто так устроен, тут ничего не поделать. Маленький Ричард усваивал основные свойства пространства-времени, катаясь на велосипеде по конкретной сетке улиц, обходя в Хэллоуин определенные кварталы, удирая от больших мальчишек и завучей через подходящие задние дворы. Топология городка впечаталась в его «коннектор»³, и теперь для него это кантовская основа всего мышления, связанного с пространством и временем. Опасаясь, видимо, что Ричард его не поймет, Си-плюс привел сравнение с бумагой в шестиугольную клетку, на которой нерды когда-то рисовали карты для варгеймов. Последняя деталь заронила у Ричарда подозрение, что Си-плюс прикалывается. По чистой случайности разговор произошел в последние минуты перед заседанием совета директоров, самым важным заседанием совета директоров за всю историю Корпорации-9592. На нем огласили, что годовой доход компании превосходит теперь доход Римской империи эпохи Августа. Ричард сгрузил задачу финдиру, большому любителю делать такого рода объявления. Пока тот показывал свои пауэрпойнтовские слайды, Ричард вытащил телефон и, спрятав его под стол, чтобы не делать это слишком уж демонстративно, загуглил Канта. Выдача была исключительно трудна для чтения, но доказывала, что чувак по фамилии Кант действительно существовал и занимался такими вопросами.

Под музыку «Помпезус Бомбазус» пятнадцатиминутная поездка на автобусе превратилась в событие трагически-душеподъемное, как Сталинградская битва. На повороте к центру дороги им преградил рабочий со знаком «стоп», поскольку на улицу выезжал длинный грузовик с землей, направляющийся туда, куда уж там вывозят излишки земли. Саундтрек в наушниках Ричарда преобразил эту хлопотную, но простую, по сути, операцию в технологическое чудо вроде старта массивного и в то же время прекрасного звездолета с орбитального сухого дока. Доджу потребовалось несколько мгновений, чтобы сориентироваться. Оказалось, что старый небоскреб – здание, составлявшее важную часть городского силуэта с шестидесятых годов, – снесли, а Ричард и не знал. На щите было изображено здание, которое построят на этом месте, куда более высокое. Старческое бурчание, конечно, но Ричард как-то даже возмутился: не успел отвернуться, а здания нет.

В следующем квартале высился небоскреб, который пять, нет, уже десять лет назад, когда его только возвели, был архитектурным событием. Теперь он сделался частью городского пейзажа. Ричард невольно задумался, будет ли он еще жив, когда и это здание снесут. Подобные мысли приходили ему и раньше: станет ли нынешняя машина последней, переживет ли его кожаная куртка, которая на нем сейчас. Он не был в депрессии, не думал о смерти постоянно. Просто полагал, что зашел на очень длинную глассад, которая приведет его к смерти лет так через тридцать, а пока у него вдоволь времени, чтобы о ней поразмыслить. Жизнь представлялась ему окопом Первой мировой, очень глубоким в начале, но все более мелким с каждым пройденным годом. В молодости не замечаешь, что где-то высоко над головой рвутся снаряды и свистят пули. Позже начинаешь их видеть, но они все еще не имеют к тебе прямого отношения. В определенной точке осознаешь, что людей вокруг тебя ранит или даже убивает шальными

² Герой полнометражного компьютерного мультфильма «Приключения мистера Пибоди и Шермана», гениальный песученый, просвещающий усыновленного им человеческого мальчика по имени Шерман.

³ Полная карта связей в нервной системе организма. Термин был предложен в 2005 г. Олафом Спорнсом и Патриком Хэгменном.

осколками, но, даже если они твои близкие друзья и ты горюешь, тебе понятно, что они всего лишь статистическое отклонение. Впрочем, чем дольше идешь, тем труднее не замечать, что приближаешься к поверхности. Люди впереди умирают по одиночке, потом группами, потом целыми рядами. Наконец, лет в сто, выходишь из окопа на открытую местность, где твоя продолжительность жизни измеряется в минутах. До этого этапа Ричарду оставались десятки лет, однако кое-кто рядом с ним уже сыграл в ящик, и, глядя вдоль окопа, он различал – еще вдалеке, но уже видимую – черту, за которой пули несутся сверкающим потоком. А может, просто музыка в наушниках настроила его на такой лад.

Проехали хороший ресторан, который Ричард обычно выбирал для деловых встреч. Из проулка вырулил фургон и влез перед автобусом. На фургоне был логотип компании, поставляющей салфетки и скатерти едальням соответствующего уровня. Фургон свернул к следующему ресторану. Водитель автобуса злился, что его подрезали. Ричард, который ехал с хорошим запасом времени и ни за что не отвечал, бесцельно пялился на поток машин. В проулке, откуда выехал фургончик, с мини-грузовика снимали бочонки крафтового пива. Назначение фургончика и мини-грузовика было очевидно, написано прямо на них, но, разумеется, каждая машина на проезжей части и каждый пешеход на тротуаре куда-то направлялись. Именно взаимодействие всех этих устремлений и составляло город. Поначалу разработчикам Корпорации-9592 никак не удавалось передать этот эффект, в итоге Ричард на несколько месяцев впрягся в то, чем вообще обычно занимался: решением проблемы столь дикой и заковыристой, что просто признать ее было бы карьерным самоубийством для всякого, кроме основателя компании. Игра и воображаемый мир, в котором она разворачивалась, называлась «Т'Эрра». Геологию мира убедительно смоделировал большой спец по таким делам, известный коллегам как Плутон. Проблема, как скоро стало ясно, была из тех, что выглядят пустяковыми, а на поверку оказываются невероятно сложны. Компания потратила миллионы долларов, приглашая экспертов на семинары и моделируя городские транспортные потоки на суперкомпьютерных кластерах. В итоге проблему удалось свести к следующему: в настоящем городе каждый движется куда-то и зачем-то. Иногда цель у каждого своя, иногда (например, перед большими спортивными событиями) – общая. Перемещения машин и пешеходов отражают эти цели. Если какое-то время живешь в большом городе, мозг научается интерпретировать такое поведение и распознавать его как городское. А вот когда вы попадаете в выдуманный город многопользовательской онлайн-игры, то видите групповое поведение, не убеждающее ваш мозг в своей реальности. Иллюзия разрушается.

Над центром уже вырисовывался «Пилюли-Хилл». В свое время там построили несколько больниц, которые с тех пор пухли как на дрожжах по мере того, как город генерировал неиссякаемый поток пациентов. На редких участках, не занятых самими больницами, выросли двадцати-тридцатизэтажные медцентры, связанные туннелями и воздушными переходами. Вместе с объединениями и слияниями это превратило холм в тесно переплетенный трехмерный лабиринт здравоохранения. Маршруты общественного транспорта были проложены очень удобно; Ричард мог бы доехать на автобусе до самого входа в клинику, но ему захотелось выйти на несколько кварталов раньше и прогуляться по Черри-стрит. Район был по здешним меркам старый, с могучими кленами; их, надо думать, завезли поселенцы, мечтавшие создать тут подобие зеленых городков американского Северо-Востока и Среднего Запада. Стояла самая что ни на есть золотая осень. Вдогонку к прежним раздумьям пришла мысль, опять-таки праздная и ничуть не горькая: сколько еще раз он увидит, как желтеют и краснеют листья? Двадцать? Тридцать? Не сверхбольшое число. Одна из Муз-Фурий напомнила, что тем более следует ценить окружающую красоту. Ее убеждения не действовали, однако Ричард вынужден был признать, что музыка «Помпезус Бомбазус» добавляет великолепия буйству осенних красок.

Интересно, думал он, какие пути в мозгу связывают комбинации звуков с удовольствием? Это что-то изначальное или выработано эволюцией либо возникло случайно? Иначе говоря: если существует посмертие, старомодное аналоговое или современное цифровое, если мы станем бестелесными душами или цифровой имитацией нашего собственного мозга, будем ли мы по-прежнему любить музыку?

Дождь не моросил, но тротуар был мокрый от сгустившейся из воздуха влаги. Красные листья липли к асфальту, как будто район захватили канадские патриоты. Под ногами листья немного побурели, но деревья вдоль Черри-стрит горели тем же чистым оттенком канадского флага, что светофоры над перекрестками.

Корваллис Кавасаки объяснил ему, что для этого есть слово «квале» (во множественном числе – «квалиа»). Субъективное переживание (например) красного. Или музыки, или тарт татен. О квалиа пишут и нейробиологи, и философы, пытаются разгадать, что они такое, откуда берутся и свойственны ли сознанию изначально. Если муравьи пьют из лужицы пролитого лимонада, ощущают ли они его сладость? Или они слишком просты и реагируют по заложенной в них программе? Инфракрасный сенсор в двери лифта не воспринимает квалиа людей, пересекающих его луч; он просто тупой переключатель. На каком этапе эволюции мозг перестает быть навороченным сенсором в лифтовой двери и начинает воспринимать квалиа? До муравьев или после? Или в данном случае отдельный муравей слишком примитивен, но муравейник в целом способен к восприятию квалиа?

Безотносительно всех этих высокоумностей, Ричард наслаждался квалиа в степени почти сексуальной. Он загубил не одно первое свидание, реагируя на глоток вина или кусок стейка так, что женщину напротив него это пугало. Несколькими годами раньше он угодил в переделку, из которой не рассчитывал выйти живым, и тогда у него оказалось более чем достаточно времени на раздумья обо всех квалиа, которые он любит. Ричард даже составил перечень самых лучших, как будто каталогизация поможет их себе подчинить или хотя бы понять.

Черный лоск старой чугунной сковороды, запах масла, когда ее нагреваешь.

Складка на спине голубой парадной мужской рубашки.

Отблески солнечного света на волнах.

Аромат кедровой доски, распиленной по волокну.

Форма буквы «Р».

Найти свое точное положение на карте.

Сбавить шаг перед приближением к бордюру.

Ходить по дому: через стены проходить нельзя, в двери – можно.

Сохранять вертикальное положение. Равновесие. Стоять на одной ноге.

Пузырьки на дне кастрюли, когда вода вот-вот закипит.

Аппетит.

Уложиться тюленька в тюленьку.

Первые такты Comfortably Numb⁴.

Это что касается поэтических сторон его натуры; ИТ-магнат тем временем праздно размышлял, сколько же вычислительной мощности тратит мозг, даже в самые праздные мгновения, просто воспринимая квалиа и составляя из них связную историю о мире и своем в нем месте.

Он поймал особо яркий красный кленовый лист прямо из воздуха – тот мокрым пластом прилип к ладони – и принялся разглядывать, как мальчишкой мог разглядывать такой же лист на айовской ферме. Издалека можно было подумать, будто Ричард смотрит в свой телефон. Было что-то почти жуткое в этой симметрии, далеко не совершенной, но все же очевидной и неоспоримой. Темные жилки ветвились от черенка. С задней стороны они выступали, как

⁴ «Приятное оцепенение», песня «Пинк Флойд» с альбома *The Wall* (1979).

балки под потолком. С передней каждая жилка была бороздкой, врезанной в алую плоть, дренажирующая ее, словно система ручьев и рек, либо питающая, словно капилляры – орган. Это было маленькое торжество пространственной организации, подобно штату Айова, воспроизведенное на протяжении Черри-стрит миллионы раз и обреченное сгнить в канаве. Ричард решил спасти лист от такого унижения и сунул в сумку, чтобы потом показать Софии.

Он почувствовал, что на него смотрят. Мальчик лет двенадцати, идущий по Черри-стрит, заметил Ричарда и теперь направлялся в его сторону, к легкому ужасу сопровождающего взрослого – вероятно, отца. На левой руке у мальчика была новомодная пластмассовая лангета, в которой человек выглядит не калеккой, а бионическим супервоином. И впрямь, под музыку «Помпезус Бомбазус» последний отрезок его приближения к Ричарду казался триумфальным вступлением героя в Валгаллу. Здоровой рукой мальчик доставал телефон. Он хотел сделать и запостить селфи с Ричардом, чтобы таким образом достичь, по крайней мере на несколько часов, той славы, что в Миазме служит эквивалентом Валгаллы. Ричард снял наушники и оставил их на шее. Он пожал мальчику руку, что получилось неловко из-за лангеты и телефона. В сопровождении взрослого, шагавшего на уместном расстоянии, они прошли вместе полквартиры. Мальчик оказался фанатом «Т'Эрры». Он был приятный, умненький, с продуманными, вполне разумными идеями, как сделать игру еще лучше. Они остановились у входа в клинику. Мальчик продолжал свой монолог, Ричард внимательно слушал и кивал, пока отец, сообразив, зачем Ричард здесь, не вмешался и не велел сыну закругляться. Мальчик за время разговора настроил телефон на селфи и теперь приступил к съемке. При этом он говорил в камеру, и Додж сообразил, что снимается не фото, а видео: его подделать труднее, а значит, и веры ему больше. Додж еще раз пожал мальчику руку и обменялся кивками с отцом, мол, возвращаю его вам. У мальчика было слегка испуганное выражение; он решил, что Ричард Фортраст заболел.

Для детей медицина – точечный ответ на болезнь. С возрастом понимаешь, что она скорее как чистка зубов – система продвинутых стратегий упреждения неприятностей, которые могут случиться в отсутствие превентивных мер. Ричарду отчасти хотелось объяснить это мальчику, чтобы унять его беспокойство, но разговор был без того долгий и уже закончился. Ричард вошел в здание, дивясь чудной роли, которую выбрало для него общество: чувака, создавшего или поручившего другим создать воображаемый мир.

Уйму денег вбухали в то, чтобы вестибюль не выглядел больничным. Вместо традиционного материального указателя, какой врач принимает в каком кабинете, поставили сенсорный экран. Додж с его помощью освежил в памяти, на каком этаже у него процедура. Каталог выглядел полным электронным собранием болезней. Приятно было листать его и думать, скольких телесных и душевных недугов он пока избежал. Это казалось таким же чудом, как и то, сколькими способами жизнь может оборваться или хотя бы превратиться в ад. И для каждой болезни имела своя, чрезвычайно высокоразвитая подотрасль медицины. Ричард почувствовал себя почти виноватым, что подводит эту колоссальную индустрию отсутствием скольких-нибудь интересных заболеваний. Сегодняшняя его процедура была самая банальная, такая, какую делают тысячу раз на дню. Он нашел на экране нужный кабинет и двинулся к правильному лифтовому холлу, поглядывая на выход с парковки на случай, если Си-плюс уже приехал. Си-плюса не было, так что поначалу Ричард оказался в кабине один. Его отделение было на верхнем этаже. На других этажах входили и выходили люди с различными патологиями – то ли заблудились, то ли дружественные субспециалисты обменивались ими между собой. По большей части пациенты выглядели неожиданно жизнерадостными, а вовсе не убитыми. За какой-то чертой остается лишь дергаться из последних сил.

На стойке регистратуры стояла заметная табличка: «ПЕРЕД ПРОЦЕДУРОЙ НИЧЕГО НЕ ЕСТЬ И НЕ ПИТЬ». Однако там не говорилось, что делать, если ты уже ел и пил, так что Ричард мысленно зашвырнул предупреждение в ту же корзину для мусора, куда отправлял надписи о риске возникновения рака, размещенные на каждой плоской поверхности в штате Кали-

форния. Регистраторша спросила, отвезет ли его кто-нибудь домой. Ричард вытащил телефон (Корваллис Кавасаки прислал уже несколько сообщений с жалобами на пробки) и предъявил в качестве официальной гарантии, что помощник приедет сильно раньше конца процедуры. Регистраторша надела ему на руку пластиковый браслет, затем отвела его в отдельную комнату, чтобы он переоблачился в больничный халат. Последовала какая-то неприлично долгая суeta вокруг его мобильного, бумажника и прочих ценных вещей (от Ричарда требовалось уяснить, что клиника за них ответственности не несет). На него вновь повеяло характерным запахом юристов, у которых навалом времени. За дверью раздался голос Си-плюса; Додж подумал было его окликнуть и поздороваться, но не захотел показываться или даже общаться в больничном халате и браслете, из-за которых ощущал себя больным, что было неправдой. Скорость приготовлений росла почти экспоненциально. Очевидно, время процедурного врача было настолько дорого, что его график составлялся, как расписание «Боинга». И следующая очередь была Доджа. Его пригласили лечь на каталку и доставили в процедурную. Воткнули в руку иголку капельницы. Прилепили датчики на кончики пальцев и закрепили липучкой на бицепсе; аппараты вокруг ожили и начали показывать его жизненные показатели. Ричард знал, что происходит: сейчас его усыпят чудо-препаратом. Через минуту Атропа перережет нить его сознания, и он, в практическом смысле, умрет. Однако, когда процедура закончится, Клото вновь начнет пряхть его нить, и он вернется к жизни, как будто ничего и не было. Всё это мистическая заумь из древнейшего слоя мифов – определенно не то, о чем можно будет рассказать Софии, когда он придет к ней с книгами.

Вошел человек, надо думать, врач, поскольку не представился и вроде бы рассчитывал, что Ричард знает, кто он. Врач сказал, что у него есть персонаж в «Т'Эрре», и начал задавать вопросы по какой-то технической частности в правилах игры. Ричард уже немного «плыл», но было понятно, что это не настоящий разговор. Врач просто хотел видеть, когда пациент отключится. Видимо, наркоз ввели через капельницу. Новые квалиа: маска на лице, в ноздри втекает холодный сухой газ, шипение. Атропа перерезала его нить.

3

Корваллис, смешно сказать, с удовольствием предвкушал сегодняшнее дело, или, вернее, безделье. Ему предстояло явиться в определенную клинику, дожидаться, когда выйдет Додж, весь такой заторможенный, и отвезти его на ланч и в кино. По сравнению с тем, чем Корваллис обычно зарабатывал на хлеб, задача была простой. Физическая работа. Не в той же мере, что у сварщика, но все же более физическая, чем его основная: двигать пиксели по экранам неким способом, нацеленным на получение больших денег.

Впрочем, профессиональная совесть укоряла его за незаслуженный выходной. Чтобы заглушить ее упреки, он открыл ноутбук, подключился к гостевому больничному вай-фаю, установил безопасное соединение с сетью своей компании и написал несколько мейлов. Все они имели целью нагрузить коллег заданиями, которые, по его расчету, надолго выбьют их из колеи и займут на то время, пока они с Доджем будут смотреть какой-нибудь дурацкий боевичок. Как всегда во время работы, Корваллис вошел в своего рода потоковое состояние, которое продолжалось с полчаса. Поначалу он воспринимал свое окружение: больные дожидаются приема, регистраторши заполняют бумажки, медработники в хирургических костюмах быстрым шагом снуют туда-сюда. В какой-то момент из коридора отчетливо донесся голос Доджа: тот отпустил шутку, пока его катили в процедурную. Внимания Корваллиса ничто не требовало. Он ушел во вселенную электронной почты и пребывал там какое-то время.

Он смутно ощутил, что все вокруг разом всполошились. Это чуть не вернуло его в реальность, но он знал, что в любом случае ни на что повлиять не может. Люди постоянно психуют на рабочем месте. Их заботы его не касаются.

Тут он все же поднял голову, поскольку в помещение ворвались трое пожарных. Их ждала женщина в хирургическом костюме. Как только дверь распахнулась, женщина побежала в глубь здания, пожарные – за ней. В руках они несли не топоры и брандспойты, а большие ящики с красными крестами.

Первой реакцией Корваллиса было безучастное любопытство. Очевидно, в этом огромном медучреждении кому-то стало плохо. Может, у пожилого врача случился сердечный приступ или что-нибудь в таком роде. Казалось бы, в медучреждении, забитом сверху донизу врачебными кабинетами, в районе, целиком отданном индустрии охраны здоровья, для таких случаев должны существовать особые процедуры. Однако, если Корваллис Кавасаки правильно понял увиденное, никакой особой процедуры не было. Когда что-то случалось, здесь, как и везде, звонили по номеру 911. Звонок переключался на ближайшую пожарную часть, и оттуда присылали парамедиков. Это немного удивляло, однако Корваллис как технический специалист должен был признать, что все на самом деле правильно и логично. Парамедики из пожарной части – лучшие в своей области и быстрее всего приезжают на вызов. Система работает.

От ноутбука он все равно отвлекся, так что сел прямее и огляделся. Женщина в розовом халате стояла там, где он мог ее видеть. Прижав стиснутые руки к губам, она смотрела в глубину коридора. В глазах у нее блеснули слезы. Парамедики выкрикивали резкие короткие фразы. Регистраторши совершенно забросили работу и застыли перед компьютерами, сжимая край стола, словно офицеры на мостике звездолета, в который летят фотонные торпеды. Голоса парамедиков звучали громче и отчетливее. Судя по всему, они, не прекращая манипуляций, катили больного из палаты, по коридору, к выходу. Женщина в розовом халате торопливо посторонилась. Одна из регистраторш вскочила, пробежала через помещение и распахнула входную дверь.

Парамедики выкатили Ричарда Фортраста на каталке и на лихой скорости вырулили через дверь к лифтам. Корваллис видел его лишь минуту-две, поэтому не сразу осознал увиденное. Ричард был голый по пояс, торс утыкан электродами. В рот и, надо полагать, в дыхательное горло уходила трубка. Один из парамедиков ритмично сжимал что-то вроде резиновой груши, закачивая воздух ему в легкие.

Первой, нелепейшей инстинктивной мыслью Корваллиса Кавасаки было позвонить Ричарду. Потому что ситуация очевидно была экстраординарная и критическая, то есть по обоим параметрам такая, где нужен Ричард. Почти всю послеуниверситетскую жизнь Корваллиса согревала уверенность, что любая такая проблема автоматически переходит к Доджу, который охотно и даже с энтузиазмом берет дело в свои руки. Додж бы обиделся, если бы критическую экстраординарную ситуацию не переключили на него. Это трудно было согласовать с тем, что Корваллис понимал умом: Додж умирает либо умер.

Корваллис закрыл ноутбук, сунул в сумку, вскочил и по следу из медицинских оберток бросился к лифтовому холлу. Двери лифта закрывались, Корваллис едва успел заметить серое лицо и опутанное проводами тело Ричарда. Он нажал кнопку «вниз» и в очень странном состоянии ума начал дожидаться следующего лифта. Ничто еще не определилось. Ни капли информации не утекло в то, что Додж называл Миазмой, акции Корпорации-9592 не начали падать. Стоя в пустом лифтовом холле, Корваллис убеждал себя, что ему просто померещилось. Будь Додж при смерти, разве мир бы вокруг не рушился? Разве улицы не заполнились бы рыдающими геймерами? Однако лифтовый холл оставался лифтовым холлом, неизменным, как звезды.

На первом этаже он по следу из ошарашенных зрителей – охранников, входящих пациентов, медиков, стоящих в очереди за латте, – добрался до выхода в то мгновение, когда «Скорая» отъезжала. Еще через секунду она включила мигалку и сирену.

Корваллис побежал. Почти квартал он держался вровень со «Скорой», пока та поворачивала, замедлялась, в праведном гневе сигналила тупым мотоциклистам и пересекала шесть полос транспорта. Потом она свернула за угол и пропала за огромным больничным зданием, но Корваллис смог отследить ее по звуку и сопоставить эти данные с красными указателями «ОТДЕЛЕНИЕ ЭКСТРЕННОЙ МЕДИЦИНЫ». «Скорой» Ричарда надо было проехать всего три квартала. Его почти могли довести сюда на каталке.

Корваллис поборол желание броситься наперерез потоку машин, как в кино. Он жал кнопки, законопослушно дожидался зеленого сигнала, а потом бежал, когда можно. До отделения экстренной медицины он добрался секунд на шестьдесят позже «Скорой». Здесь регистраторши сидели за толстым стеклом, как кассиры в винных магазинах, а за входящими следили видеокамеры на потолке, а также обычный охранник, слегка ошарашенный видом промчавшейся мимо каталки. Корваллис оказался в помещении перед стеклянным барьером вместе с рабочим-латиноамериканцем, повредившим левую руку, и полной негритянкой, которая набирала на телефоне эсэмэски. Регистраторша за стеклом спросила Корваллиса, чем может ему помочь. Он почувствовал, что она его оценивает, профессиональным взглядом выискивая признаки травмы или душевной болезни. На нем были спортивные брюки, старая футболка и черный плащ. Он подошел к стеклянной стене и объяснил, что был с человеком, которого только что доставила «Скорая».

За стеклянную стену его не пропустили. Корваллис не приехал с Ричардом. Ричард не наделил его официальными полномочиями. Корваллис мог быть кем угодно. Скажем, душевнобольным, который бежал за «Скорой». А может, Ричард и Корваллис любовники и это случай домашнего насилия. У регистраторши за стеклом не было никаких способов проверить. Она что-то сказала про «ближайшего родственника». Корваллис заткнулся и сел. Отчасти потому, что выражение навевало тягостные ассоциации, отчасти потому, что да, сейчас его первой обязанностью было вызвать в больницу Зулу Фортраст.

Зула появилась через двадцать минут, запыхавшаяся. Она просто прибежала из своей квартиры, от которой до больницы было меньше мили. Зула сейчас работала неполный рабочий день, по большей части из дома, расположенного в пешей доступности от садика Софии. Фортрасты удочерили семилетнюю Зулу из сиротского приюта в Эритрее и воспитали на айовской ферме. Ее приемная мать погибла из-за несчастного случая, и Зула стала общим ребенком всей большой семьи. Корваллис не знал точно, кто формально считается ее родителями, но с дядей Ричардом она была очень близка. Корваллис увидел, как Зула бежит по тротуару, выпуская облачка морозного пара. Необычное решение добираться пешком было как раз в ее духе: она сообразила, что так выйдет скорее, чем вызывать «убер». Перед входом она замедлилась до быстрого шага. Стеклянные двери раздвинулись автоматически. Зула была в джинсах и свитере, с рюкзаком, который обычно заменял ей сумку, без плаща и шапки. Непокрытые волосы вобрали влагу из воздуха и торчали росистой копной мелких завитков. Корваллис встал, и Зула шагнула было к нему, но тут же изменила курс и направилась к регистратуре.

– Зула Фортраст, – объявила она, вытаскивая бумажник. – К моему дяде Ричарду Фортрасту. – Она протянула водительское удостоверение. – Мне сказали, он здесь.

Только после этого Зула обернулась и встретилась глазами с Корваллисом. Она выглядела собранной и деловой. После того что ей пришлось пережить, ничто не могло выбить ее из колеи. Не то чтобы у нее не было чувств, просто она научилась их прятать. Несколько лет назад она на какое-то время оказалась в центре общественного внимания и выработала собственную всем знаменитостям привычку держать лицо. Сейчас это оказалось для нее очень кстати. Корваллис не мог сказать, ошеломлена она известиями или досадует. Не слишком ли много бед на нее одну?

– Вечно с моим дядей все не слава богу, да? – спросила она.

– Угу, – выдавил Корваллис.

– Насколько все плохо?

Он не знал, что сказать.

– Очень плохо? – спросила Зула. Давая ему разрешение.

– У меня такое впечатление, что типа как совсем плохо, – признал он.

Она кивнула и заморгала.

Регистраторша сообщила, что Ричарда уже перевели в реанимацию, и сказала, в какую сторону идти.

Корваллис и Зула прошли указанным коридором, отыскивали нужные лифты и принялись блуждать в трехмерном лабиринте больницы. Между ними постоянно оказывались медики либо пациенты, так что они не пытались больше разговаривать. Зула отправила пару эсэмэсок, потом запрокинула голову, чтобы не дать вытечь слезам.

Наконец они добрались до входа в реанимацию.

– Ну вот, – сказала Зула.

– Могу ли я чем-нибудь... – начал Корваллис, но она уже решительным шагом подошла к медсестре за стойкой.

– Зула Фортраст. Ближайшая родственница Ричарда Форттраста, которого, как мне сообщали, только что сюда доставили. Может ли кто-нибудь ввести нас в курс дела? Мы пока совершенно не знаем, в каком он состоянии.

Их отвели в комнату, предназначенную, насколько догадывался Корваллис, специально для таких разговоров. Современные диваны буквой «П» стояли вокруг журнального столика с цветами в вазе. Коробки с бумажными носовыми платками соперничали за место с диспенсерами для антисептика. В папке аккуратной стопочкой лежали меню соседних ресторанов, доставляющих заказы по телефону; на клейкой бумажке был от руки написан пароль от вай-фая. В большое окно открывался вид на мокрый деловой центр города, белое небо вверху и серое море внизу.

В дверь вежливо постучали, и вошел врач лет сорока пяти, азиатской внешности, в массивных очках, подобранных под квадратное лицо. Он представился как доктор Тринь и пригласил всех сесть.

– Во время процедуры у него случилось необычное осложнение, вызвавшее остановку дыхания. Наличный медперсонал не смог исправить положение. К тому времени, как прибыли парамедики и вставили дыхательную трубку, сердце уже остановилось, и его удалось запустить с большим трудом. Сейчас он на искусственной вентиляции легких, то есть за него дышит аппарат.

– Сам он дышать не может? – спросила Зула.

– Мы полагаем, что не может.

– Это значит, что его мозг сильно поврежден, да?

– Мы наблюдаем полное отсутствие мозговой активности. По моим оценкам, он не очнется. Очень сожалею, что должен сообщить вам такие известия. Но я должен спросить, есть ли у вашего дяди «завещание о жизни». Он вообще когда-нибудь говорил, что делать, если он окажется на аппаратах искусственного жизнеобеспечения?

Наступило долгое молчание, которое прервал Корваллис:

– Это я выясню.

Зула поблагодарила его кивком и слабой улыбкой.

– Спасибо, Си-плюс. – Она поглядела на доктора Триня: – Я бы хотела его увидеть, если можно.

Корваллис вырос в университетском городке, имя которого носил. Его отец был хорошо внутри аутического спектра, а мама – очень близко к тому. Он был единственным ребенком. В доме всегда царило спокойствие. Они играли в настольные игры и читали книги. Эмоции были отданы на аутсорсинг родным, живущим довольно далеко. Иногда от мамы или папы требова-

лось поддержать родственника в беде. Обычно в таких случаях они переводили деньги, решали логистические проблемы или делали взнос в соответствующую благотворительную организацию. Они не ходили в церковь, которая, вне зависимости от того, верите вы на самом деле или не верите, дает детям определенную прививку за счет участия в крестинах, бар-мицах, венчаниях и похоронах. В старших классах Корваллис начал замечать, что проигрывает другим в ситуациях, требующих выражения чувств. Подобно первым симптомам опасной болезни, это проявилось, когда он оказался на вечеринке и понял, что не может танцевать. Движения как таковые сложности не представляли – у него уже был коричневый пояс по таеквондо, – но двигаться с чувством он не мог от слова совсем. С тех пор болезнь только прогрессировала.

Затруднение распространялись на такие простые действия, как позвонить по телефону незнакомому человеку или сделать приятельнице комплимент по поводу новой прически – два дела в числе многих, которых он любыми силами старался избегать. От одной мысли о предстоящих Зуле телефонных звонках, слезах, объятиях, письмах, охах и ахах в аэропорту, надрывных душевных разговорах с четвероюродными братьями и сестрами – просто от близости ко всему этому без какого-либо предполагаемого участия с его стороны Корваллис ощущал что-то вроде панической атаки.

Но всегда имелся выход. Отец Корваллиса был официальным фотохронистом семейных встреч. Он не любил обниматься, зато суперклассно снимал, как обнимаются другие: недреманное око его ультрасовременного «Никона» не упускало ни одно объятие. Для Корваллиса было огромным облегчением получить конкретную задачу, в которой выражать чувства мало что не нужно, а даже и контрпродуктивно. Он открыл ноутбук. Сообразил, как подключиться к больничному вай-фаю. Заставил себя не обращать внимания на почту, скопившуюся за последний час, и открыл сайт «Ардженбрайт-Вейл». Это была сиеэльская юридическая фирма с филиалами в Сан-Хосе и нескольких других центрах ИТ-индустрии. За десятилетия с тех пор, как «Майкрософт» пустил корни в этом районе, маленькая фирмочка выросла так, что теперь в ней было под тысячу юристов. «Ардженбрайт-Вейл» помогла Доджу создать Корпорацию-9592, принимая плату конвертами с двадцатидолларовыми бумажками, и с тех самых пор представляла и его компанию, и его самого. Корваллис не знал, составил ли Додж завещание, и если да, то где его искать, но логично было начать поиски здесь.

«Ардженбрайт-Вейл» занимала десять этажей в офисном небоскребе, который был виден прямо из окна. Когда Корваллис набирал добавочный номер Стэна Петерсона, партнера, который, скорее всего, знал ответ на его вопрос, он почти мог представить, что Стэн виден в одном из окон, белая отложная манжета рубашки сверкает, когда он тянется к гарнитуре. В кои-то веки телефонные боги улыбнулись Корваллису, и он дозволился со второго гудка. Вероятно, помогло, что он техдир раскрученного стартапа, его фамилия, должность и фотография занесены в анналы высокотехнологичной телефонной системы «Ардженбрайт-Вейл» и высветились у Стэна на компьютере в то мгновение, когда зазвонил телефон.

– Ба! Корваллис Кавасаки собственной персоной! – весело ответил Стэн.

– Стэн, ты у себя в кабинете? Без посторонних?

– Да, только дверь закрою. – Было слышно, как он закрывает дверь. – Что случилось? Позвать Лору?

Стэн имел в виду другого партнера – она вела дела «Нубиланта», компании, в которой работал Корваллис. Сам же Стэн был личным юристом Доджа. Возможно, он решил, что Корваллис перепутал добавочный. Такое случается сплошь и рядом.

– Нет, я насчет Доджа.

– Опять он во что-то вляпался? – спросил Стэн с юмористической наигранной досадой, которая и впрямь была бы забавной, не будь Додж практически мертв.

Корваллис объяснил, что происходит. Правильнее сказать, что произошло. Правильнее, но мучительнее, поскольку это означало реальность, которая уже не исчезнет. То и дело он

умолкал на случай, если Стэн захочет вставить вопрос. Однако Стэн молчал, как рыба, только дышал в трубку – чуть быстрее и тяжелее нормального.

– Конечно! – выпалил он, когда Корваллис наконец дошел до причины своего звонка. – В смысле, да! Мы составляли его завещание. У нас есть то, про что ты спрашиваешь.

– Завещание о жизни?

– Распоряжение о медицинском уходе, – поправил Стэн. – Это одно и то же. Но, Сиплюс, ты уверен...

– В чем?

– Что его состояние действительно такое... когда надо читать этот документ?

– Ты про документ, в котором Додж говорит, что делать, если у него наступит смерть мозга и он окажется на аппаратах поддержания жизни?

После долгой паузы Стэн ответил:

– Да.

– Ну доктор не смягчал выражений. Сейчас он с Зулой. Когда вернется, спрошу еще раз. А пока мне кажется, что лучше бы прислать сюда этот документ.

Стэн не ответил, и Корваллис добавил:

– В худшем случае тревога окажется ложной и мы дружно посмеемся.

Уловка сработала.

– Сейчас пришло, – тут же ответил Стэн.

Завещание Доджа прибыло через двадцать минут. Велокурьер достал его из мокрой от дождя сумки через плечо. Гомо сиэтлус, подумал Корваллис, глядя на тощего рыжебородого юношу с дредами, в утиликите⁵, на велосипеде с независимо мигающими фарами и стальной бутылкой для воды. Впрочем, вопреки своей внешности он оказался очень деловитым и потребовал от Зулы расписаться в получении. Она поставила закорючку, не прекращая телефонного разговора через наушники-капельки. Корваллис отнес пакет обратно в комнату, которую они превратили в свой штаб, и вытащил стопку документов. Их было три: толстый – настоящее завещание и два потоньше – распоряжения о медицинском уходе и об останках. У Корваллиса от ужаса покалывало пальцы. Ему казалось, что голос Доджа сейчас заговорит с ним из распоряжения о медицинском уходе и решительно прикажет отключить аппарат. В таком случае это произойдет прямо сейчас, до того как Корваллис успеет загуглить пять стадий проживания горя. У него оставалась надежда, что Додж дал слабинку или – что было больше на него похоже – не глядя подмахнул предложенный ему документ, чтобы не вникать в занудные юридические формулировки. В таком случае, возможно, удастся подержать его на аппаратах хотя бы несколько дней – пока не соберутся члены семьи и не снимут с Корваллиса всякую ответственность.

И те и другие ожидания не оправдались. Распоряжение о медицинском уходе оказалось на удивление подробным. И немного странным в типографском смысле. Вводный параграф и некоторые связки были напечатаны шрифтом «палатино», принятым в «Ардженбрайт-Вейл», а все большие разделы – «монако», сан-серифом, которым нерды раньше выводили компьютерный код в терминальных окнах. Другими словами, документ собрали копипастом из чего-то другого, скачанного из интернета в эпоху, когда он еще не стал Всемирной паутиной. Вероятно, голый текст в противоположность расширенному текстовому формату. Кавычки и другие знаки препинания заставляли предположить, что он написан в дружественном для нердов текстовом редакторе Emacs. Стэн, или кто там составлял этот документ, не потрудились нажать «выделить все» и поправить форматирование.

Эти разделы содержали инструкции. Подробные инструкции. Довольно жуткие. Технические инструкции, как убить Доджа контролируемым образом, если он вдруг окажется на

⁵ Мужская юбка с грузовыми карманами, выпускается одноименной фирмой с 2000 г.

ИВЛ. Отключать аппарат не предполагалось. Вместо этого его следовало оставить на то время, пока в тело Доджа будут вводить определенные препараты и охлаждать его в ванне со льдом. Только после этого аппарат следовало отключить. И затем, в тот миг, когда Додж перестанет быть живым человеком на пороге смерти и юридически станет покойником, читателю предписывалось отложить распоряжение о медицинском уходе и взять следующий документ, распоряжение об останках. И тут начинались те же самые странности со шрифтами. Инструкция начиналась ровно с того места, на котором закончились в предыдущем документе. Как только аппарат искусственного дыхания отключат, тело Доджа следовало максимально быстро охладить ванной, клизмой и капельницей с ледяной водой. Лишь после этого разрешалось переместить останки, причем тоже тщательно расписанным способом. Доставить тело требовалось прямым путем по конкретному адресу в пустыне неподалеку от Эфраты, штат Вашингтон, где его будут хранить в глубокой заморозке.

Корваллис как нерда заворожил уровень технических подробностей. Ему хотелось бы поговорить с врачами и нейробиологами, которые это все продумали. Как гик с трудностями в общении он в каком-то смысле почти радовался, что может отвлечь мысли от происходящего. Покуда он вникает в инструкции, он избавлен от обязанностей на эмоциональном фронте. Однако в его личности был и третий аспект, который постепенно выдвигался на первый план и норовил вырвать руль у двух других, – руководящий сотрудник, хотя бы поверхностно знакомый с юридическим миром. И руководящего сотрудника заинтриговали шрифты. «Арджен-брайт-Вейл» – солидная фирма, работающая в ИТ-сфере. Прежде чем документы отправили Доджу на подпись, на их составление и проверку потратили не одну тысячу долларов. Поправить форматирование – работа для стажера на пять минут. Корваллис подозревал, что шрифт и прочее оставили сознательно. Этакий способ закавычить предписания. Показать будущему читателю, что фирма всего лишь выполняла инструкции. Инструкции Доджа, надо думать.

И тут до Корваллиса дошло. Все встало на свои места. Он проверил дату подписания. Девять лет назад. Ричард поручил составить эти документы, когда разбогател. Подписал их и забыл. Вот уж кто точно не стал бы заморачиваться мыслями о завещании.

– Носил ли он браслет? – спросил Корваллис у Зулы в ту редкую минуту, когда она не говорила по телефону с Айовой.

– Что? – переспросила она, думая, что неправильно расслышала. Вопрос был странный. Представить Доджа с браслетом было так же трудно, как представить его в епископской митре.

– Я имею в виду браслет с медицинскими указаниями. Ну, знаешь, какие носят люди, у которых аллергия на определенные препараты.

– Чтобы врачи «Скорой помощи» прочли, если человек будет без сознания.

– Да.

– Не помню, – сказала она, – но вроде бы нет. Проверить?

– Не надо, – ответил Корваллис. – Думаю, я смогу проверить сам.

Он открыл на ноуте фотоприложение. Там скопились тысячи снимков. Разложить их по альбомам вечно не хватало времени. Однако у приложения была встроенная функция распознавания лиц, и оно умело создавать именные коллекции. Во время долгих перелетов Корваллис научил его распознавать нескольких важных для себя людей, в том числе Ричарда Фортраста. Сейчас он кликнул строчку «Додж» в меню. Приложение ненадолго задумалось, потом заполнило окно миниатюрами Доджа или людей, которых алгоритм счел на него похожими. Вторым щелчком Корваллис рассортировал их по дате, затем начал листать сначала. Его первый собственный снимок Доджа был восьмилетней давности, но имелись и более старые, сделанные до их знакомства и попавшие на диск, потому что кто-то прикрепил их к мейлу или чему там еще. На некоторых был совсем молодой человек: длинноволосый, косящий от армии Ричард Фортраст, версия 1970 года, в златых местах на границе Айдахо и Британской Колумбии, в вырвиглазных цветах отсканированной кодахромовской пленки. Никакого браслета.

Правой стрелкой Корваллис двинулся по годам, пока не дошел до серии фотографий, сделанных примерно в то время, когда Корпорация-9592 впервые выпустила на рынок свои акции. На одной из них Ричард держал на высоте паха полуторалитровую бутылку шампанского, зажимая горлышко большим пальцем, чтобы направить струю пены на Плутона. Снимали со вспышкой, и обе руки Ричарда были видны отчетливо. На левом запястье, конкурируя за место с дешевыми электронными часами, сидел медицинский браслет: цепочка и на ней металлическая пластина размером с большую почтовую марку, украшенная красным кадуцеем и заполненная мелким шрифтом, который на фото было не разобрать. Определенно куда больше металла, чем нужно для надписи: «У меня аллергия на пенициллин».

Корваллису не нужно было читать, что написано на браслете, он и так это знал. Для перестраховки он сверил даты и убедился, что фотография сделана месяца через два после того, как Ричард подписал завещание.

Он открыл новое окошко браузера. Затем вернулся к распоряжению о медицинском уходе и просмотрел один из разделов, набранных «монако», на предмет необычного сочетания слов. Это сочетание он ввел в строку поиска, нажал «энтер», и экран тотчас заполнился точными совпадениями. Один тот же текст много раз копипастили и вывешивали в интернет. Для его целей эти ссылки были по большей части нерелевантны. Корваллис прокрутил выдачу, пока не нашел слово, которое все это время пытался выудить из памяти.

Он вернулся к строке поиска и напечатал «эвтропийцы». Воспоминание из раннеинтернетных дней, ИТ-бум девяностых.

Исходный сайт не обновлялся больше десяти лет. Организация, если она и существовала до сих пор, захирела в 2002-м, в черные годы после краха доткомов и 11 сентября.

Статья в «Википедии» была обернута несколькими слоями предупреждений: за нее шла война.

Впрочем, некоторые основные факты никем не оспаривались. Эвтропийское движение возникло в начале девяностых, когда казалось, что наука и технология могут все. Это была просто неформальная дискуссионная группа в Беркли с филиалом в Стэнфорде. Эвтропийцы рано освоили Всемирную паутину и создали невероятно продвинутый по тем временам сайт. Сейчас, конечно, он выглядел устаревшим, как черно-белый телевизор. Было создано НКО, которое позже приобрело статус 501(c)(3)⁶, а в 2004-м прекратило свое существование. Из движения вышли и другие НКО. Статья в «Википедии» была испещрена вопросительными знаками и сетованиями различных редакторов. Корваллису не надо было смотреть историю, чтобы понять – тут разыгрался не один холивар. Детали значения не имели.

– Если я сумею позвать сюда доктора Триня, – спросил Корваллис, – ты уделишь мне несколько минут?

На самом деле он не сказал это, а отправил сообщение Зуле, которая сидела напротив за столом и пыталась кого-то успокоить по мобильному. Она глянула на телефон, подняла голову и кивнула.

Довольно трудно оказалось убедить медсестру за стойкой, что информация, которую нужно сообщить врачу, важнее того, чем он сейчас занят, однако слова «распоряжение о медицинском уходе» и «юридический» произвели желаемое действие. Через несколько минут доктор уже был в комнате с Корваллисом и Зулой.

– В девяностых была такая группа гиков в Северной Калифорнии, убежденная, что технологии позволят достичь бессмертия, – начал Корваллис. – Они называли себя эвтропийцами. Название квазинаучное. Если энтропия – тенденция к развитию беспорядка, то эвтро-

⁶ Освобождение от федерального подоходного налога согласно пункту 501(c)(3) налогового кодекса США, по которому предоставляются налоговые льготы организациям, занимающимся религиозной, благотворительной, научной и образовательной деятельностью.

пия – оптимистичный взгляд. Мало того что мы можем победить энтропию; в каком-то смысле вселенная сама хочет, чтобы мы как разумные существа сделали ее лучше. И часть этой программы – победа над смертью.

– И как у них это получалось? – иронически осведомилась Зула.

– Они были умные ребята, – ответил Корваллис. – Не психи. Научную сторону они изучили досконально и отлично понимали, что технология продления жизни появится не в ближайшие десятилетия. Знали они и то, что могут до этого не дожить, поэтому придумали временную меру. Основываясь на самых передовых достижениях тогдашней науки, они разработали инструкцию по замораживанию и вечному хранению человеческих останков.

– Чтобы когда-нибудь... – начала Зула.

– Чтобы когда-нибудь, когда воскрешение станет технологически возможным, их вернули к жизни.

– Как Уолта Диснея⁷, – сказал доктор Тринь.

– Это городская легенда, – ответил Корваллис, – но да, идея та же. Крионика. История долгая. Идея возникла в шестидесятых, затухала и возвращалась волнами. В данном случае достаточно знать, что одна из этих волн зацепила Ричарда.

– Очень на него не похоже, – заметила Зула.

– И да и нет. Разумеется, он скептик... был скептиком. Фаталистом. Но он был открыт для новых идей. Готов пойти на просчитанный риск.

– Это верно.

– Примерно в то время, когда его компания пошла в гору, он заключал много договоров в ИТ-мире, ездил на конференции, общался с инвесторами. Один из инвесторов Корпорации-9592 вложил деньги и в некий стартап, основанный эвтропийцами. Если коротко, это была крионическая компания. Они построили холодильную установку на востоке штата Вашингтон. Там дешевое электричество благодаря плотине Гранд-Кули.

– А это их главная статья расхода, – сообразил доктор Тринь. – Электричество для холодильников.

– Совершенно верно. Они обращались ко многим людям, разбогатевшим в ИТ-сфере, и предлагали им своего рода пари Паскаля.

– Пари Паскаля? – спросил доктор Тринь.

– Паскаль как-то сказал, что надо верить в Бога, потому что если вы окажетесь неправы, то ничего не потеряете, а если правы, то получите бесконечную награду, – ответил Корваллис.

Зула кивнула:

– Тут то же самое.

– Совершенно верно, – сказал Корваллис. – Если крионика окажется бесполезной и спасти ваше замороженное тело не смогут, какая разница? Вы так и так умерли. А если она работает, вы, возможно, будете жить вечно.

– Отлично вижу, как Ричард на это соглашается, – заметила Зула. – После третьего стакана.

– Он согласился и выполнил все их указания. Какое-то время даже носил специальный медицинский браслет с инструкциями, как заморозить его тело. – Корваллис развернул ноутбук и показал фотографию. – Примерно в то же время Ричард обновил завещание. Полагаю, большая часть там обычное завещание. – Он положил руку на самый толстый документ. – Однако распоряжения о медицинском уходе и об останках почти целиком состоят из инструкций, разработанных эвтропийцами. По сути, там сказано, что после охлаждения тело надо

⁷ Вскоре после смерти Уолта Диснея в 1966 г. возник слух, что его тело не кремировано, как сообщалось, а заморожено для будущего воскрешения и хранится под аттракционом «Пираты Карибского моря» в калифорнийском Диснейленде. Из-за чего возник слух, неизвестно, но предполагают, что все началось с шутки сотрудников компании.

доставить в восточную часть штата Вашингтон, где команда специалистов подготовит его к полной криоконсервации.

– Я никогда не видела на нем браслета, – сказала Зула.

– Потому что Ричард перестал его носить задолго до того, как ты перебралась в Сиэтл, – ответил Корваллис. – Мне он эту историю рассказал сто лет назад. Про эвтропийцев, инвестора и все остальное. И я напрочь ее забыл. У Доджа было много историй, и это не самая из них интересная.

– Да, не самая, – согласилась Зула и медленно покачала головой.

– Судя по рассказу, Ричард уже тогда считал это глупостью. Вроде того, как купил «Кадиллак Эскалейд» и тут же разбил.

– Одна из тех глупостей, которые делают мальчишки, когда у них внезапно появляется куча денег, – сказала Зула.

– Да. И он ее давно забыл. Но... – Корваллис положил руку на распоряжение о медицинском уходе, – он так и не обновил завещание.

– Оно по-прежнему имеет юридическую силу? – резко спросила Зула, кивая на документ.

– Я не юрист, – ответил Корваллис.

Они оба глянули на доктора Триня, который поднял руки, как при аресте, и замотал головой.

Стэн Петерсон, юрист, приехал через полчаса. Он с порога сказал, что отменил все встречи, – не хвастаясь, а просто давая Зуле понять, что все ресурсы «Ардженбрайт-Вейл» вплоть до боевых дронов и личных космических кораблей – в полном распоряжении ее семьи.

– Элис вылетела, – сказала ему Зула. – Будет поздно вечером.

Стэн глянул непонимающе.

– Вдова его брата, – объяснила Зула.

– Она – душеприказчица?

Зула отрицательно покачала головой и глянула на завещание:

– Она просто старшая из ближайших родственников. Не знаю, как это работает. Если мы собираемся что-нибудь делать, отключать аппараты, или что там еще, Элис должна в этом участвовать. – Лицо у Зулы скривилось, и она всхлипнула.

– Извини. – Стэн был не только растерян, но и в некотором эмоциональном раздрае. Очевидно, он тоже всплакнул, причем недавно, поскольку время от времени шмыгал носом. Вероятно, по пути сюда он заглянул к Ричарду. – Так кто душеприказчик?

Зула подняла голову, шмыгнула носом, сдержалась. Потом глянула на Корваллиса.

– Извини, я не читал завещания... – начал он.

– Я читала, – перебила она. – Душеприказчик ты, Си-плюс.

– Ой, – выговорил Корваллис. – Ох ты, блин.

– В таком случае нам многое предстоит обсудить, – сказал Стэн.

– Но ведь технически он еще не умер? – спросил Корваллис. – Значит, завещание не вступит в силу. До тех пор пока...

– До свидетельства о смерти, – кивнул Стэн и покосился на распоряжение о медицинском уходе. Еще раз шмыгнул носом и кивнул на документ: – Его составил лично Кристофер Вейл младший. – Видя, что остальным это имя ничего не говорит, он пояснил: – Сооснователь нашей фирмы. Он отошел от дел пять лет назад. Ранний Альцгеймер. Сейчас живет в специальном хосписе. Боли он не испытывает. Однако помочь нам с этими документами не сможет.

– Ты их читал? – спросил Корваллис.

– В «убере» по пути сюда. – Стэн поднял брови в немом комментарии к увиденному на этих страницах, и Корваллис не сдержал слабой улыбки.

– Я взял на себя смелость посмотреть дифф, – сказал Корваллис.

– Надо полагать, это какой-то технический термин?

– Я программно сравнил текст документа с размещенной в интернете версией.
– Как ты добыл электронную версию? Это же бумага, – удивился Стэн.
– Сфотографировал на телефон и запустил программу распознавания, – сказал Корваллис.

Стэну услышанное не очень понравилось (видимо, так делать не полагалось), но спросил он только:

– И что ты узнал, «посмотрев диф»?
– Кристофер Вейл младший не просто тупо скопировал шаблонный текст, – сказал Корваллис. – Он внес изменения.
– Я бы удивился, если бы не внес! – воскликнул Стэн.
– Не в технические инструкции, разумеется. Они те же самые, слово в слово. А вот в остальной текст добавлены некоторые оговорки.

– Си-плюс, тебе придется меня простить за то, что я, честно говоря, оказался немного к этому не готов. – Стэн вздохнул. – Должен сознаться, раньше я не заглядывал в завещание Ричарда и те два документа. Знай я, что они настолько необычны, я бы, наверное, в какой-то момент убедил его освежить их и подправить. А пока я еще, если честно, не совсем въехал. Может, ты сейчас расскажешь мне, что выяснил? А я даю слово, что к приезду Элис буду знать все досконально.

– У меня создалось впечатление, что изначальный текст «Эфраты» писали нерды.
– Эфрата? Похоже на что-то библейское.
– Так и есть. Но в данном случае я говорю о «Эфрата крионикс инкорпорейтед». Это холодильная установка в одноименном городе. В пустыне к востоку от гор. По крайней мере, когда-то она там была.

Прошло несколько секунд, прежде чем до Стэна дошел смысл последнего слова. Он чертыхнулся.

– Все в порядке, – сказал Корваллис. – Вот тут-то Кристофер Вейл и отработал свой гонорар. Основатели «Эфраты» искренне верили, что нашли идеальный способ сохранять человеческие останки. И еще они верили, что «Эфрата крионикс инкорпорейтед» будет существовать вечно.

– Потому что столько людей подпишется на их услуги... – сказала Зула.
– Что у них будет огромный счет в банке, масштабные обороты и все такое, – согласился Корваллис.
– Что ж, как человек, знавший Криса Вейла, когда у него с головой все было в порядке, предположу, что ничего из этого он на веру не принял, – сказал Стэн.

Корваллис кивнул:
– Когда ты это прочтешь, то увидишь, что, по сути, там сказано следующее: если ко времени смерти Ричарда «Эфрата крионикс» будет существовать, и если она будет финансово состоятельной, и если за это время не изобретут лучшей технологии сохранения останков, то валяйте, действуйте по инструкциям и везите Доджа в большой эфратский холодильник.

– А если хотя бы одно условие не будет выполнено... – начал Стэн.
– То все осложняется, – сказал Корваллис.
– Как будто оно изначально было просто, – пробормотала Зула.

Корваллис придвинул к себе распоряжение об останках и долистал до нескольких последних страниц, напечатанных стандартным «палатино»:

– Сложно в том смысле, что у меня мозги начинают плавиться. Но я уверен, ты разберешься.

– К вашим услугам, сэр, – ответил Стэн.
По счастью, через несколько минут к ним присоединилась женщина, которая представилась юрисконсультком больницы. Легко было догадаться: она узнала, что в реанимацию приехал

адвокат больного, и зашла выяснить, в чем дело. Возможно, прыти ей добавило то, что больной – знаменитый миллиардер, а его адвокат – старший партнер фирмы «Ардженбрайт-Вейл». Она оказалась моложе, чем можно было ожидать, и не такая холеная, как большинство женщин в ее профессии; католичка, феминистка и заботливая мать с дипломом Брауновского университета, согласно Миазме. Эсме Херлбат. Любительница вязанья и скалолазания. Несколько минут ушло на то, чтобы представиться и ввести Эсме в курс дела. Доктор Тринь повторил то, что все остальные уже знали о состоянии Доджа. Корваллис тем временем перерывал Миазму в поисках дополнительных данных об «Эфрата крионикс».

К тому времени, когда разговор возобновился, ему было что добавить:

– «Эфрата» получила много денег от таких, как Додж. Почти сразу они заморозили несколько тел, что, вероятно, тогда считалось удачей, но дальше должны были постоянно держать холодильники включенными. Несколько обиженных эвтропийцев подали против них иск, который практически разорил фирму. Она так и не достигла намеченных финансовых показателей. Крах доткомов усугубил ситуацию. В две тысячи третьем они провели реорганизацию. В качестве первого шага отрезали головы и кремировали тела.

– Извини, ты не мог бы повторить? – попросил Стэн.

Эсме Херлбат, которая вошла в комнату с явно настороженным видом, теперь слушала как замороженная.

– На этот момент в криохранилище находилось одиннадцать тел, – сказал Корваллис, переводя взгляд на экран, чтобы проверить данные. – Контракт, который эти одиннадцать подписали при жизни с «Эфрата крионикс», содержал оговорку. Там говорилось, что останки надлежит хранить замороженными *либо* другим способом, на усмотрение «Эфрата крионикс», наиболее отвечающим цели будущего воскрешения.

Эсме подняла руку, как отличница в первом ряду.

– На усмотрение? На *единоличное* усмотрение? – спросила она.

– Да, – подтвердил Корваллис, взглянув на экран.

Краем глаза он видел, что Стэн и Эсме выразительно переглянулись.

– На этом основании, – продолжал Корваллис, – «Эфрата крионикс» объявила, что для воскрешения нужна только голова. Или, если идти дальше, только мозг. Тело, по сути, ни к чему. Общество, которое разработает технологию, способную полностью восстановить мыслительные функции замороженного мозга, уж точно сумеет вырастить новое тело из ДНК. Так что для экономии «Эфрата» обезглавила одиннадцать замороженных тел и поместила головы в куда более компактный холодильник.

– Оттяпали лишние расходы! – восхитился Стэн, похоже, временно запамятавав, на чьей он стороне.

– Что это означает для нас сегодня? – спросила Зула.

Стэн придвинул к себе распоряжение о медицинском уходе и принялся его листать, особо внимательно проглядывая раздел, составленный его бывшим коллегой Кристофером Вейлом. Продолжая читать, он ответил несколько рассеянно:

– Полагаю, Зула, это будет зависеть от того, что мы обсуждали минуты две назад... состоятельна ли компания... какие сейчас есть технологии...

– Смотря как понимать состоятельность, – ответил Корваллис. – Согласно интернету...

– Который, как мы знаем, никогда не ошибается, – вставила Эсме.

– Да. Согласно интернету, отрезанием голов они выиграли всего три года. Затем они дошли до того...

– О господи, теперь вспомнила. Это мелькало в новостях, – сказала Эсме. – Энергетическая компания грозила отключить им энергию за неуплату. Они утверждали, что дать мозгам оттаять – все равно что совершить убийство. Ситуация была патовая.

Стэн буквально хлопнул себя по лбу:

– Боже. Поверить не могу, что Додж связался с такими людьми!

На что и Корваллис, и Зула глянули на него с немым вопросом: «Ты хоть представляешь, с какими людьми он вообще вел дела?»

Стэн, не замечая их взглядов, продолжал:

– Но, по крайней мере, теперь все ясно с их состоятельностью.

– Смотри что ты имеешь в виду, – сказал Корваллис, гугливший по ходу разговора. – Была заключена сделка. Их захапал один из первоначальных эвтропийцев. Элмо Шепард.

– Из тех обиженных, которые раньше подавали на них в суд?

– Именно так. Шепард был главным инициатором иска. Он утверждал, что «Эфрата крионикс» присвоила некую интеллектуальную собственность, которая должна быть в общественном достоянии, – опенсорсный продукт первоначальных эвтропийцев.

– погоди, я знаю, кто такой Элмо Шепард. Черт, да я с ним встречался, – сказал Стэн. – Вроде бы он клиент нашего филиала в Кремниевой долине.

– Он заработал какие-то деньги на Ай-Пи-О и стал венчурным капиталистом, – продолжал Корваллис. – По большей части инвестиции в обычный ИТ-сектор, насколько я понимаю, но сохранил побочный интерес к технологиям продления жизни.

– Так что случилось, когда он их «захапал»? – спросила Эсме.

– Он создал новую компанию под названием «Эфрата лайф шеринг». – Корваллис перестал быть автономным участником разговора и сделался передатчиком того, что имелось в Миазме. – Создал на собственные деньги. И провернул сделку – приобрел «Эфрата крионикс» на корню. «Эфрата крионикс» теперь стопроцентно дочерняя компания ЭЛШ, базирующейся в Президио, Сан-Франциско, штат Калифорния.

– То есть формально «Эфрата крионикс» состоятельна? – спросила Зула. Она быстро отвечала на сообщения, блокировала телефонные звонки и очевидно проигрывала битву с электроникой, претендующей на ее внимание.

– Пока Эл Шепард закачивает в нее деньги, трудно утверждать противоположное, – сказал Стэн. – Но в документе есть не только это. Остается вопрос, действительно ли технология ЭЛШ лучшая на сегодня.

– На *единоличное* усмотрение ЭЛШ? – спросила Эсме.

Стэн позволил себе изобразить легкое самодовольство:

– Не-а. В *стандартном* контракте, который подписали Эфратские Одиннадцать – те, чьи головы оказались в холодильнике, – стоит слово «единоличное», но Крис Вейл, дай ему бог здоровья, вычеркнул его в документе, который подписывал Додж.

– То есть у нас есть выход, – сказала Зула.

Эсме открыла было рот, но передумала и скрестила руки на груди.

– Тут есть что сказать, – ответил Стэн. – Уверен, мы можем заявить, что отрезать Доджу голову и запихнуть ее в холодильник – не лучшая на сегодня технология, если вообще когда-нибудь была лучшей.

Зула ответила кивком. Корваллису пришлось проглотить неприятное чувство. Позже он сядет с Зулой и Элис Форттраст и напомним, что, если дело дойдет до суда и придется спорить с адвокатами Эла Шепарда, «Ардженбрайт-Вейл» очень хорошо на этом заработает. Впрочем, гугля, он наткнулся на новые факты, которые опять все меняли.

– Стоп, – сказал он. – Там уже не головы в холодильнике. ЭЛШ пошла дальше.

– Я готов, – мгновенно отозвался Стэн.

И вновь Корваллису немного не понравился его тон. Единственно важный вопрос, готова ли Зула. Однако уже было ясно, к чему все идет. Стэн понемногу прибирал дело к рукам. К тому времени как Элис Форттраст сойдет с самолета, он полностью овладеет ситуацией и будет готов представиться как семейный адвокат Форттрастов.

Зула с Эсме загадочно переглянулись. Своего рода женская солидарность.

Корваллис снова поймал взгляд Зулы и дождался ее кивка.

– Теперь, когда у нас есть облачные вычисления, куда дешевле хранить биты, чем части тела в холодильнике, – сказал он. – Несколько лет назад ЭЛШ, на свое единоличное усмотрение, сочла, что по-настоящему важен только коннектом – связи между нейронами в мозгу. Они взяли одиннадцать голов и отсканировали их мозг. Свели его к данным, а данные загрузили в облако.

– А где теперь сами мозги? – спросила Эсме. Поскольку второй башмак должен был рано или поздно упасть.

– Сканирование – деструктивный процесс. – Корваллис, говоря, читал с экрана. «Деструктивный» звучало относительно мягко, но он не видел причин выражаться со всей жестокостью. – К концу сканирования не осталось ничего, что можно было бы считать мозгом. По утверждению ЭЛШ, то, что все-таки осталось, захоронено надлежащим образом. Кремировано. Прах возвращен ближайшим родственникам.

– И с тех пор, как ЭЛШ перешла на эту технологию, были ли еще такие? – поинтересовался Стэн.

– О чем ты? – спросил Корваллис.

– Такие как Ричард, – подсказала Зула.

Стэн кивнул:

– Люди, которые подписали контракт с «Эфрата крионикс», а умерли, когда у компании уже начались неприятности.

– Если и были, в интернете о них ничего нет. – Корваллис промотал назад. – Правда, в одной из статей говорится, что ЭЛШ по просьбе некоторых клиентов вернула деньги и расторгла контракт.

– Но не Ричарду, – сказала Зула.

– Этого мне узнать неоткуда, – ответил Корваллис.

Зула сделала большие глаза:

– Си-плюс. Опомнись. Это Ричард. Ты правда думаешь, что он стал бы замораживаться?

– Нет, – признал Корваллис. – Додж не стал бы замораживаться. Если вообще не забыл про этот контракт.

– Итак, я вижу для себя несколько пунктов, – объявил Стэн. – Если родные не против, я свяжусь с ЭЛШ и выясню, действует ли еще контракт. Тогда вам предстоит решить, как быть дальше. Мне кажется, нам стоит побольше выяснить про этот... как ты его назвал... который связи в мозгу.

– Коннект... коннектом, – сказал Корваллис, запнувшись на слове так, что все удивленно на него поглядели. Потому что какая-то часть мозга в этот самый миг выкинула сообщение «ой, блин».

– Все в порядке, Си-плюс? – спросила Зула.

Он немного устыдился, что именно она выражает сейчас заботу о его состоянии.

– Хм, извините. Просто странная связь, простите за каламбур.

– Связь с чем? – спросила Эсме, которая оставалась с ними исключительно из интеллектуального любопытства.

– Должен объяснить, что я работаю в... что я технический директор... компании, специализирующейся на облачных вычислениях. Здесь, в Сиэтле. И один из наших клиентов...

– Давай угадаю, – сказала Зула. – «Эфрата лайф шеринг».

– Не совсем, – ответил Корваллис. – Но у Элмо Шепарда целая свора компаний, которыми он руководит из Президио. Некоторые коммерческие. Другие – скорее мозговые центры, исследовательские институты, все такое. Он очень интересуется Сингулярностью. Это...

– Я знаю, что такое Сингулярность, – перебила Зула.

– Я не знаю. Вы меня просветите? – сказала Эсме. Они с Зулой каким-то невербальным образом заключили между собой союз.

Зула, кивнув, объяснила:

– Это вроде как вера в то, что когда-нибудь мы загрузим свой мозг в компьютеры и обретем вечную цифровую жизнь.

– И как из этого получается Сингулярность?

– Прибавьте закон Мура, – сказал Корваллис.

– Это который про то, что компьютеры становятся все быстрее и быстрее?

– Экспоненциально. Считается, что души, загруженные в кремний, будут супербыстрыми и супермощными, а живые биологические мозги упряднятся.

– Все равно не понимаю, при чем тут Сингулярность – это же вроде слово для черных дыр?

– Смысл в том, что все произойдет мгновенно, – объяснила Зула.

– И Эл Шепард в это верит, – подытожила Эсме.

Стэн сидел, закрыв руками лицо. Вся его поза говорила: «Когда этот маразм перестанет крепчать?»

– Некоторые другие его компании созданы для исследования различных явлений, связанных с Сингулярностью. Одно из этих явлений – коннектом. У него их несколько. Послушайте, тут я вступаю на тонкий лед, поскольку не могу разглашать подробности отношений «Нубиланта» с клиентами.

– Но по твоему лицу очевидно, что Эл Шепард хранит коннектомы Эфратских Одиннадцати на серверах твоей компании, – сказала Зула.

– Если кого-нибудь не утомила ирония событий, – добавил Корваллис, – его, возможно, порадует, что наш самый большой серверный парк находится на востоке штата Вашингтон, неподалеку от Эфраты.

– Где дешевое электричество и много воды для охлаждения, – сказала Зула. Она была геолог по образованию.

– Кажется, я теряю нить разговора, – призналась Эсме.

– Это либо по-настоящему хорошо, либо по-настоящему плохо в смысле того, насколько я смогу быть полезным, – ответил Корваллис. – Поспрашиваю и выясню, удастся ли мне выйти на кого-нибудь из людей Элмо Шепарда в Президию.

– Или на самого Эла, – сказал Стэн. – Полагаю, ему это будет небезынтересно.

4

Разговор заглох, поскольку всем стало ясно, что прямо сейчас они Доджа отключать не будут. Доктор Тринь ушел заниматься теми больными, кому еще можно было помочь. Эсме раздала визитные карточки, обменялась со всеми телефонными номерами и тоже ушла. Комнату пора было освобождать для семей других пациентов, поэтому Стэн, Зула и Корваллис переместились в гостиничный кафетерий. Оттуда каждый поехал своей дорогой: Стэн к себе в офис изучать документы, Зула домой, Корваллис на работу.

Разговор приостановили до второй половины дня, но пауза затянулась, и возобновился он только на следующее утро. Эти сутки Корваллис провел в мучительной неопределенности. Пока нет свидетельства о смерти, Додж юридически не умер, а значит, душеприказчик не требуется. Душеприказчиком (или, более современно и политкорректно, личным представителем) предстояло быть Корваллису. Он потратил какое-то время на то, чтобы узнать свои обязанности, но от юридических формулировок заболела голова. Да и основную его работу никто не отменял.

К десяти вечера в Миазму как-то просочилось, что Ричард Форттраст в реанимации, и мир Корваллиса взорвался. В следующие шесть часов о сне и отдыхе не могло быть и речи. Миазма иногда ведет себя так, будто у каждого мужчины, женщины и ребенка на земле есть соцсети и штат пиарщиков на круглосуточном дежурстве. Корваллис не мог бы ответить всем, даже будь он вправе что-нибудь говорить.

Следующий раз все собрались в номере люкс старой, но очень приличной гостиницы в двух кварталах от больницы. Корваллис немного знал Элис Форттраст и догадывался, что гостиницу выбрала не она. Элис из демонстративной экономии и презрения к порядкам больших прибрежных городов остановилась бы в самом дешевом мотеле возле аэропорта. Зула упредила этот шаг: заранее сняла номер и просто отвезла Элис в гостиницу, куда от дома, где жили Зула, Чонгор и София, можно было дойти пешком. Родственники в Айове наверняка дивились, почему Зула не уложила тетю у себя на диване или, к слову, в пустующей квартире Ричарда. Однако Корваллис понимал ход ее мыслей. Семье нужен штаб рядом с больницей, некая нейтральная территория. Согласиться на конференц-зал в «Ардженбрайт-Вейл» значило бы фактически отдать себя в лапы юристам. За кухонным столом в квартире Зулы и Чонгора не обо всем можно говорить, если София будет вертеться под ногами и требовать объяснений. Оставалась гостиница.

К тому времени как Корваллис привез туда Джейка Форттраста, младшего брата Ричарда, Зула уже набила холодильник молоком, йогуртом и другой едой, чтобы Элис не писала в «Фейсбук» возмущенные посты о стоимости гостиничных заказов в номер. Чонгор взял несколько дней за свой счет, чтобы заниматься Софией и освободить Зулу. Корваллис предупредил в «Нубиланте», что в ближайшие дни будет недоступен – мог бы и не сообщать, поскольку его коллег с утра захлестнуло волной освещения трагического события в соцсетях. Номером первым в Реддите стояло короткое видео с Доджем, снятое каким-то ребенком за считанные минуты до несчастья. Корваллис долго крепился, потом не выдержал и все-таки посмотрел. Додж вполне благодушно отнесся к юному поклоннику и снял наушники, чтобы его слышать; можно было даже различить тихую музычку, когда ее не заглушали проезжающие по мокрому асфальту машины. Корваллис думал, что видео его доконает, однако неожиданно нашел в нем странное утешение и даже посмотрел несколько раз. Напоминая себе, каким был Додж, готовясь к жизни без Доджа.

Корваллис только что забрал Джейка Форттраста на вокзале. Тому было под пятьдесят – последний ребенок немолодых родителей, много младше двух братьев и сестры. Он жил на севере Айдахо в поселении единомышленников – крайних либертарианцев с религиозным уклоном. Там у него были жена и выводок детей. Он не мог водить машину за пределами ближайшей округи, поскольку не получал прав, считая, что не дело государства их выдавать. Вчера, узнав новость, он как-то добрался до вокзала в Кёр-д'Алене и сел на поезд, пришедший с семичасовым опозданием. Они с Корваллисом пересекались раньше и ладили куда лучше, чем можно было ожидать, исходя из разницы в образовании, круге общения, политических и религиозных взглядах. Поездка от вокзала заняла минут пять, поэтому Корваллис не успел ничего толком объяснить, только сообщил, что состояние Ричарда без изменений. Джейк был почти совсем лысый, с проседью в лохматой русой бороде. Он приехал в практичной одежде на фланелевой подкладке, какую носил у себя в поселке каждый божий день, занимаясь своей работой, то есть изготовлением деревянной мебели и строительством бревенчатых домов. Выражение, с которым он оглядывал роскошный вестибюль гостиницы, Корваллис истолковать не смог. Лифт, обшитый изнутри полированным деревом, по крайней мере дал ему на чем остановиться взгляд.

Элис Форттраст – вдова Ричардова старшего брата, Джона, и матриарх разветвленной семьи, жила на ферме в северо-западной Айове. Она была на восьмом десятке, но выглядела моложе своих лет. Стриглась коротко, волосы, теперь уже совершенно седые, не красила. Когда

Корваллис вошел, она улыбалась Зуле, показывая собственные зубы, не сказать что идеальные. Они вспоминали какой-то забавный поступок Ричарда, но при виде Корваллиса и Джейка сразу посерьезнели, как будто их застукали на шалости. Джейк обнял Зулу, надолго прижав ее к себе, а с Элис обнялся символически – она лишь привстала в кресле, но, правда, улыбнулась ему, не размыкая губ и жмурясь, чтобы удержать слезы.

Хотя они были знакомы, Зула представила Корваллиса на случай, если Элис забыла его имя. Вдруг кратковременная память у нее уже не очень, да и вообще, для некоторых все азиаты на одно лицо. Впрочем, Элис кивнула и сказала:

– Конечно, я помню, Додж рассказывал про вас и ваши римские забавы.

Она имела в виду его необычное хобби.

– Но он еще и... – начала Зула.

– Конечно, я знаю, что Си-плюс замечателен не только этим. – Она повернулась к Корваллису: – Иначе Ричард не назначил бы вас своим душеприказчиком, ведь правда?

Хорошо. Значит, кто-то ее уже просветил.

Элис продолжала:

– Хочу вам сказать, Ричард, что бы про него ни говорили, прекрасно разбирался в людях, и раз он вам доверял, то и мы вам доверяем. К тому же я вижу самые разные причины назначить душеприказчика не из родни – человека непредвзятого.

– Что ж, мне очень жаль, что сейчас мы встретились по такому поводу, – сказал Корваллис. Фразу он приготовил загодя, и прозвучала она соответственно. Так что дальше пришлось импровизировать. – Спасибо за ваши слова.

Зула и Элис по-прежнему смотрели на него, словно ожидая продолжения.

– Для меня они много значат, – попробовал Корваллис.

Обе женщины, видимо, сочли это подходящим завершением того, что он силился сказать.

– Я буду стараться, – продолжал он, не в силах закрыть рот. Кажется, это было уже лишнее, потому что они немного напряглись.

Его спасло своевременное появление Стэна, который прибыл вместе с адвокатом помладше.

Встреча в верхах теперь собрала кворум. Элис, Зула и Джейк были ближайшими родственниками Ричарда. Говоря без обиняков, достаточная критическая масса, чтобы выдернуть из розетки Ричардов ИВЛ. Корваллис присутствовал в роли душеприказчика, в которую еще не вступил, адвокаты прибыли, и их время пошло. Элис с полным равнодушием к юридическим порядкам и почасовым ставкам настояла, чтобы все выпили кофе. По прикидкам Корваллиса, она потратила оплачиваемого времени примерно на тысячу долларов, прежде чем позволила разговору подойти к деловым вопросам. Чувствуя, как в голове тикает счетчик, Корваллис отпил кофе (очень плохой) и оглядел номер, стилизованный под жилище богатой пожилой дамы. Разумеется, Элис Фортраст и была богатой пожилой дамой, но он подозревал, что ее собственный дом обставлен совершенно иначе.

Молодого адвоката звали Маркус, он родился в Шейкер-Хейтс, окончил Пенсильванский университет, где изучал философию и увлекался греблей. Промыкавшись два года в миссисипской глубинке по линии «Тич фор Америка»⁸, он поступил в Стэнфордскую школу права. У него красавица жена корейского происхождения и полугодовалый ребенок, и они на днях покупают псевдотюдоровский дом с тремя спальнями в районе Квин-Энн, сильно запущенный, но будет замечательный, как только уберут асбестовую теплоизоляцию системы отопления в подвале – работа, для которой они прямо сейчас ищут исполнителей. Все это Элис у него выспросила, а под конец, словно невзначай, заставила Маркуса сознаться, что он специализируется

⁸ Некоммерческая организация, привлекающая выпускников колледжей и университетов для преподавания в бедных районах США.

на структурировании транзакций в ИТ-индустрии, а про семейное право ничего не знает и в жизни не составлял завещаний. Прежде чем до Стэна (который почти все время разговора отвечал на сообщения в телефоне) окончательно дошло, в какую ловушку угодил его молодой коллега, ему самому пришлось сделать аналогичное признание. Когда уже ничего было не исправить, он заверил Элис, что Кристофер Вейл прекрасно разбирался в этих вопросах.

Элис огорченно покачала головой, как мамаша, поймавшая сына на вранье. Вчера во время перелета из Омахи она заплатила пятнадцать баксов за беспроводной интернет и, надо полагать, все три часа изучала карьеру и образование Криса Вейла. Никаких свидетельств, что он разбирался в завещаниях, при этом не обнаружилось.

– Вчера я попросила Зулу отправить отсканированное завещание Ричарда нашему семейному адвокату в Айове, – заявила она. – Он, может, и адвокат в маленьком городишке, но, скажу я вам, составил множество завещаний. Это значительная часть его практики, и он нашел три ляпа *на первой же странице*. Новичковые ошибки, так он выразился.

Она снова покачала головой.

Стэн отложил телефон и сидел красный как рак. Маркус обратился в слух.

– Знаете, как, на мой взгляд, это выглядит? – продолжала Элис. – Додж позвонил вашему Крису, что хочет составить завещание, и тот сказал себе: «Я не хочу упускать моего миллиардера, я уж как-нибудь справлюсь сам. Хитрое ли дело – составить завещание?» И он написал первый и последний такой документ в своей карьере. Не сомневаюсь, что намерения у него были самые лучшие, но он напортачил.

– Элис... – начал Стэн.

– Кое-кто назвал бы это преступной халатностью, – сказала Элис.

Эта женщина – кобра, мысленно отметил Корваллис.

Больше всего ему хотелось оказаться сейчас где-нибудь в другом месте. Он покосился на Зулу. Та глянула в ответ с непроницаемым видом. *Добро пожаловать в семью, Си-плюс.*

– Ладно, что было, то сплыло, – вздохнула Элис. – Завещание составили абы как, а Додж подписал, потому что ему недосуг было вникать, и тут мы ничего поделать не можем. Тот, кто это сделал, уже не с нами, и нет смысла терзать его угрозами и попреками. Я не Додж. Я всегда внимательна и буду требовать от «Ардженбрайт-Вейл» более высоких стандартов в том, что касается *компетенции и оплаты*.

– Да, мэм, – выдавил Стэн.

Однако тут зазвонил телефон. У Корваллиса. Стэн, чувствуя, что звонок его спас, вздохнул и глянул на Си-плюса.

– Извините, – сказал тот, вынимая телефон из кармана рубашки.

Он глянул на высветившееся имя, глянул снова, затем развернул телефон так, чтобы все могли прочесть: Эл Шепард.

– Я бы посоветовал не принимать звонок прямо сейчас, – быстро произнес Стэн. Потом глянул на Элис, словно ища ее одобрения. Она смиренно отвела взгляд, что вроде бы его успокоило. – Ты уже говорил с мистером Шепардом?

– Нет, – ответил Корваллис. – Только с его подчиненными.

– И каков общий тон? – спросил Стэн.

– Повышенное внимание к ситуации. Не то чтобы особо благожелательный разговор. Ощущение, что адвокаты напротив говорящего безмолвно подают знаки.

– Что ж, – начал Стэн, – теперь, когда мы познакомились немного поближе, этот звонок позволяет нам плавно перейти к делу. Если позволите.

– Прошу, – сказала Элис.

– Но первый вопрос: что говорят врачи?

– Без изменений, – ответила Зула. – Мы должны принять, что наступила смерть мозга и она необратима.

При последних словах она быстро посмотрела на Джейка. Тот заметил ее взгляд и вскинул руку.

– Я уже изложил свои взгляды по этому поводу, – сказал он. – Только Бог может забирать жизнь. Для Него все возможно – в том числе и полное выздоровление Доджа. Покуда душа остается в теле, Ричард жив не меньше, чем любой за этим столом.

Стэн, выдержав уважительную паузу, кивнул и пророкотал лучшим своим адвокатским баритоном:

– Спасибо, Джейкоб. Зула говорила мне, что вы можете занять такую позицию. Я хотел бы продолжить со всем уважением к вашим религиозным воззрениям.

– Очень признателен, сэр, – сказал Джейк.

– Я – юрист, – продолжал Стэн, – и, как я уверен, адвокат Элис в Айове первым бы вам подтвердил: распоряжение о медицинском уходе, или, как его иногда называют, завещание о жизни, не обязательно учитывает религиозные взгляды и мнения членов семьи.

– Это мне известно, – ответил Джейк. – И в любом случае я тут в меньшинстве.

Он посмотрел через стол на Элис и Зулу, которые твердо встретили его взгляд.

– По условиям распоряжения о медицинском уходе, подписанного вашим братом, аппараты искусственного поддержания жизни следует отключить без дальнейшего промедления. Однако сделать это следует с соблюдением определенного технического протокола, направленного на сохранение мозга. А благодаря дополнительным оговоркам, которые Крис Вейл *очень тщательно* предусмотрел, – при этих словах Стэн наградил Элис выразительным взглядом, который та не соблаговолила заметить, – если «Эфрата крионикс» финансово несостоятельна либо появилась лучшая технология, у нас есть выход.

Элис кивнула:

– И, по словам моего адвоката, один из главных недостатков документа – этот выход никак не уточняется.

– Затруднительно, – мягко произнес Стэн, – точно указать альтернативную методику сохранения мозга, до которой еще никто не додумался. Единственный способ составить подобный документ – сделать явным намерение подписавшего лица, то есть Ричарда. А оно, очевидно, состояло в том, что если на момент его смерти будет существовать технология, способная обеспечить будущее возвращение к жизни, то эту технологию следует применить. Если же технологий будет несколько, он вполне разумно хотел лучшую – а не то, что в этот конкретный день постарается всучить «Эфрата крионикс».

– Но кто решает, какая технология лучше? – спросила Зула.

– В конечном счете решение принимаете вы – ближайшие родственники. Никто не может его оспорить. Не предусмотрено наказаний за неверный выбор.

Джейк подался вперед:

– Минуту назад вы сказали, что завещание о жизни не учитывает религиозные взгляды родных.

– Вы не можете поступить вопреки завещанию, – сказал Стэн, – но в той мере, в какой вы добросовестно стремитесь выполнить желание Ричарда, у вас есть некоторая свобода.

– Я хочу сказать, что мы не специалисты в нейробиологии, – заметила Зула.

– Так найдите специалиста, – ответил Стэн. – В Сиэтле полно авторитетных...

– Готово, – перебил Корваллис.

Все посмотрели на него.

– Вернее, в процессе, – объяснил Корваллис. – Дело в том, что года два назад несколько лучших программистов Корпорации-9592 ушли в Уотерхаузовский институт мозга. С одним из них, Бенном Комптоном, я по-прежнему в дружеских отношениях и взял на себя смелость к нему обратиться.

– Это Уотерхауз из заумного кибербанка? – спросила Элис. – Тот самый Уотерхауз?

Она имела в виду одного из местных ИТ-филантропов, предпринимателя, участвовавшего в одной из первых криптовалютных авантюр, которая каким-то образом переросла в серьезное финансовое учреждение.

– Тот самый.

– Извините, если задаю глупый вопрос, но зачем институту мозга программисты, делающие компьютерную игру?

– Геймификация, – сказала Зула.

– Да, – подтвердил Корваллис. – История долгая, и я с удовольствием объясню. Суть в том, что в науке возникают задачи, очень трудные для компьютеров, но легкие для людей. Если превратить эти задачи в увлекательную игру, в интернете найдется много желающих решать их бесплатно. Сотрудники Уотерхаузовского института мозга уперлись в такую задачу и решили ее геймифицировать – для чего переманили наших самых классных программистов.

Элис завела глаза к потолку:

– Ладно. У вас есть друзья в авторитетном институте мозга. В этом городе, если я правильно поняла.

Корваллис кивнул:

– Меньше чем в миле отсюда. Я связался с ними и рассказал о Ричарде, которого они все, к слову, любят. И спросил, знают ли они что-нибудь на эту тему. Упомянул, что в ЭЛШ несколько лет назад отсканировали одиннадцать замороженных мозгов. И они – люди из Уотерхаузовского института – ответили, что это *точно* не самая передовая на сегодня методика. Каждый день появляются куда более совершенные.

– Тогда почему ЭЛШ их не применяет? – спросила Элис.

– Я могу просто нажать кнопку «перезвонить» и поинтересоваться у самого Эла Шепарда, – сказал Корваллис. – Но, похоже, тот ответит, что эти технологии никогда не проверялись на людях. Только на мышах.

– На мышах, – повторила Элис.

Фортрасты отреагировали на слова Корваллиса по-разному. Элис – скептически; возможно, она недоумевала, зачем он вообще упомянул технологию, не имеющую к ним никакого отношения. Джейк покачал головой, возмущаясь глупыми занятиями ученых: мышинные мозги они сканируют! А вот Зула сообразила сразу.

– Сколько лет? – спросила она.

– Что? – не поняла Элис.

– Сколько лет до того, как они сделают такую аппаратуру для человеческого мозга?

– Вот это, – сказал Корваллис, – я и пытаюсь выяснить. Мне надо позвонить...

– Лет? Какой нам от этого прок? – возмутилась Элис. – Решение надо принимать сейчас.

Ричард лежит на аппаратах через улицу от нас.

– Мы можем сейчас его заморозить, – сказал Корваллис.

– Кто «мы»? – строго спросил Джейк.

– Виноват, – сказал Корваллис. – Да, конечно. Вы, родные, можете сейчас его заморозить.

– Я в этом участвовать не буду, – напомнил Джейк.

– Джейк, хватит перебивать, – сказала Элис. – Продолжайте, пожалуйста, Си-плюс.

– Если заморозить его сейчас по последней версии эвтропийского протокола, которая вроде бы сохраняет коннектом – связи между нейронами, и продержат замороженным несколько лет, то можно будет отсканировать мозг по новой технологии, как только она станет доступна.

– Но мне сказали, что фирма по заморозке людей закрылась, – сказала Элис.

– Состояние Ричарда – около трех миллиардов долларов, – напомнил Корваллис.

– Вы хотите сказать, на покупку холодильника хватит.

– Я говорю, что такой вариант есть.

– И мы найдем кого-нибудь стоять у холодильника несколько лет, следить, чтобы не выключился? – ехидно спросил Джейк.

– Не знаю, – ответил Корваллис. – Об этом еще не думал.

Маркус, младший адвокат, молчал с тех самых пор, как угодил в расставленную Элис ловушку. Сейчас он заговорил:

– Наша юридическая фирма выполняла кое-какие работы для Семейного фонда Уотерхауза-Шафто, финансирующего УОТИМ – Уотерхаузовский институт мозга.

– Ну разумеется, – сказала Элис. – «Ардженбрайт-Вейл» работает со всеми.

Маркус поднял руку, прося молчания:

– Это крупная фирма, и мы тщательно избегаем конфликта интересов. Я просто к тому, что такие фонды тут достаточно распространены. Многие люди заработали кучу денег в ИТ-индустрии. На определенном этапе жизни они начинают раздавать эти деньги, тогда-то и учреждаются подобные фонды. Они взаимодействуют... – он сплел пальцы, – довольно сложным образом. Так вот, как только будет выписано свидетельство о смерти Ричарда Фортраста, согласно его завещанию появится новый фонд.

– Фортрастовский семейный фонд, – вставила Элис.

– Я к тому, что вам не нужно покупать собственный холодильник. Думаю, если вы заглянете в УОТИМ...

– В УОТИМ?

– ...В УОТИМ, который, как справедливо заметил Корваллис, расположен меньше чем в миле отсюда, очень вероятно, вы сумеете договориться, как пожертвовать мозг Ричарда на благо науки.

– Но тогда они смогут делать с ним что угодно!

Маркус мотнул головой:

– Вы можете написать какой угодно контракт. Точно оговорить, что с ним делать.

– С какой статьи УОТИМу подписывать такой контракт? – спросила Элис.

– Потому что Фортрастовский семейный фонд жертвует институту чертову уйму денег, – предрекла Зула. – А деньги – очень убедительный аргумент.

– Я тут всего лишь юрист, – сказал Стэн, – но идея мне нравится. Мы не можем утверждать, что «Эфрата крионикс» несостоятельна, поскольку Эл Шепард поддерживает ее из своего бездонного кармана. Итак. Если родственники не хотят, чтобы мозг Доджа подвергли разрушающему сканированию, которое проталкивает ЭЛШ, то, согласно распоряжению о медицинском уходе, мы просто должны заявить, что существует более передовая технология. И если в словах Корваллиса что-то есть, сделать это будет легко.

– Легко убедить Элмо Шепарда?

– Нам не нужно убеждать Элмо Шепарда, – ответил Стэн. – Нужно только послать его к черту достаточно уверенным тоном.

5

У Корваллиса в кармане рубашки завибрировал телефон. Он глянул на экран. Незнакомый местный номер, заканчивается на два нуля, то есть звонят с многоканального телефона. Корваллис извинился, встал и вышел в прихожую.

Через минуту он вернулся. В его отсутствие чашки унесли, а ноутбуки убрали в сумки.

Зула поймала его взгляд:

– Эл Шепард по-прежнему тебя достает?

– Это оттуда, – сказал Корваллис. Отчетливо понимая, как невнятно выразился, он заморгал, затряс головой и попробовал зайти снова: – Из медицинского центра, где Ричард был вчера. Где он... где с ним произошло несчастье.

– Люди, которые его убили? – вмешалась Элис. – Чего им надо?

– Мой телефон был у них записан для связи в экстренных случаях – я сидел там, когда это случилось, – сказал Корваллис. – Сейчас они просто позвонили сообщить, что у них сумка Ричарда. С его вещами. Одежда, бумажник и прочее. Когда его увезли, все осталось там. Там что я, наверное, зайду туда и заберу вещи.

Фортрасты просто смотрели на него.

– Если, конечно, так будет проще, – добавил он.

– Да, пожалуйста, – сказала Элис.

– Я спущусь с вами, – объявил Стэн, дружески беря Корваллиса за плечо.

Когда они со Стэном и Маркусом вышли, Корваллис спросил:

– Я что-нибудь пропустил?

– Зула будет звонить на ИВЛ-фермы, – ответил Стэн.

– Что это такое?

– Жуткое слово. Когда пациент, как Ричард, стабилен, но не может дышать самостоятельно, нет надобности держать его в реанимации. Это дорого, и он занимает койко-место, куда можно положить человека, которого правда нужно реанимировать. Есть центры, обслуживающие этот рынок. Представьте себе интернат для инвалидов, только все его обитатели...

– Такие, как Ричард?

– Да. Есть политкорректный термин, но врачи говорят «ИВЛ-ферма».

– То есть мы собираемся перевезти Доджа на ИВЛ-ферму?

– Элис решительно против, – сказал Маркус. Он сумел, не меняя выражения лица, показать, какое живое впечатление произвела на него Элис Фортраст.

– Она хочет оставить его в реанимации?

– Альтернатива – отвезти его домой и уложить на кровать, – ответил Стэн. – Аппарат, само собой, поедет вместе с ним. Круглосуточный сестринский уход, все такое.

– Эсме Херлбат сильно давит, – добавил Маркус.

– Она хочет сбить его с рук, – сказал Стэн.

Дверь открылась, и они вышли из лифта в вестибюль.

– Она юрист, – заметил Корваллис.

– Она видит, к чему все идет. Ледяная ванна, замораживание останков. Она категорически не желает, чтобы все это происходило на территории больницы.

– Ясно.

Они вышли на улицу и остановились под козырьком. Капельки влаги, сыплющиеся на металл с серого неба, создавали тихий белый шум.

– Сейчас вы заберете личное имущество, оставшееся от Доджа?

– А? Да. – Корваллис задумался, в какой момент одежда, бумажник и все такое стали «личным имуществом покойного».

– Не хочется думать, что они попробуют вас обставить, – сказал Стэн, – но все равно молчите, хорошо? Ни слова кроме «здрасьте» и «до свидания».

– Обставить?

– Они наверняка боятся иска о преступной халатности. Если не просто отдадут сумку, а начнут вытягивать из вас информацию, сразу уходите. И позвоните мне.

Корваллис пожал Стэну и Маркусу руки, шагнул под дождь и двинулся по улицам Ферст-Хилл в сторону медицинского центра, где оборвалась жизнь Ричарда. Короткая прогулка, но он радовался случаю наконец проветрить мозги.

По крайней мере, пока не зазвонил телефон. Корваллис был уже перед медицинским центром, глядел на улицу, живописно усеянную красными кленовыми листьями. Он стоял на том самом месте, где вчера Ричарда поймал юный геймер со сломанной рукой и снял его последнее прижизненное видео.

Снова Эл Шепард. Корваллис решил принять звонок.

– Корваллис Кавасаки. Правда ли к вам обращаются Си-плюс? Или это только для близких друзей? Не хочется в такое время проявлять излишнее панибратство. Примите мои соболезнования в связи с происходящим.

– На промежуточном уровне официальности ко мне часто обращаются просто «Си». Меня это вполне устроит. А как мне называть вас, мистер Шепард?

Элмо Шепарда называли в честь деда, двоюродного деда или кого-то еще, родившегося в краях, где в то время Элмо, Элвудов, Делбертов и Деуэйнов было пруд пруди, а подобные имена считались нормальными и даже красивыми. Отринув мормонизм и перебравшись в Северную Калифорнию на поиски счастья, он узнал, что его имя воспринимается как несколько комическое, и отбросил второй слог. Как Эл он достиг высот влияния и богатства, на которых мог, не вызывая смехов, назваться полным именем в официальной обстановке вроде обеда в Белом доме или открытия сверхсовременного научного центра. Корваллис знал, что это своего рода шиболет. «Эл», произнесенное нужным тоном, могло означать личное знакомство.

– Меня устраивает «Эл», спасибо, – произнес голос в телефоне. Потом на какое-то время все заглушил рев взлетающего самолета. – Извините. Я на аэродроме Боинг-филд. Сейчас зайду в здание.

– Вы прилетели самолетом?

– Да. Вы, возможно, видели, что я пытался дозвониться вам два часа назад. Со взлетной полосы в Сан-Рафаэле. – Эл приглушенно кого-то поблагодарил (судя по звукам, тот распахнул перед ним дверь).

Корваллис прекрасно знал, где это происходит: в той части Боинг-филда, где садятся и взлетают частные самолеты.

– Да, извините. Я был на встрече. С родными.

– Конечно.

– Я слышал, вы не любите летать, – сказал Корваллис.

– И это правда, в отличие от многого того, что про меня пишут, – ответил Эл. – Но иногда надо идти на просчитанный риск.

Как часто бывало во время телефонных разговоров, взгляд Корваллиса блуждал, изредка замирая на том, что вызвало усиленную реакцию зрительной коры: хорошенькой студентке из соседнего университета, проезжающей мимо лиловой «Тесле», шоколадном лабраторе, который раскорячился в кустах, в то время как хозяин стоял наготове с вывернутым синим пакетом «Нью-Йорк таймс» в правой руке. У ног лежал прибитый дождем идеально красный кленовый лист. Вокруг листа асфальт был раскрашен в цвета детских игрушек: ядовитые оттенки малинового, зеленого и розового. Кто-то мелкими нарисовал на тротуаре граффити. Корваллис отступил на шаг и увидел размытый дождем портрет седовласого седобородого человека. Ветхозаветный Бог в лиловом одеянии и с радужным нимбом. Ниже было написано: ЖДОД. Имя самого могущественного Ричардова персонажа в «Т’Эрре». Какой-то фанат увидел видео на Реддите, вытащил оттуда GPS-координаты и мелкими нарисовал здесь икону. Может, думал, что окна больничной палаты Доджа выходят на эту сторону и что Додж способен выглянуть в окно.

– Вы еще здесь? – спросил Эл. – Я заскочил в конференц-зал.

В аэропорту для частных самолетов хватает уютных конференц-залов, ждущих, когда такие, как Эл, в них заскочат.

– Какие у вас на сегодня планы? – спросил Корваллис.

Определенно у Эла была причина пойти на просчитанный риск. Согласно тому, что о нем писали, Эл Шепард намеревался жить вечно, а потому не любил помещать себя в ситуации, чреватые разрушением мозга. У него был мобильный офис в автобусе, который он предпочитал авиаперелетам. Автобусы иногда попадают в аварии, но, если ты не протаранишь бензовоз на

скорости сто миль в час, до полного уничтожения мозга дело, скорее всего, не дойдет. А вот на месте крушения самолета могут и не наскрести мозгов для морозильной камеры.

– У меня есть кой-какие дела, раз уж я здесь, – ответил Эл, – но вы, конечно, угадали главную цель моего визита.

– Да.

– Менее всего мне хочется в такое время навязываться родным...

– Хорошо, – сказал Корваллис, гадая, слышит ли Эл улыбку в его голосе. Скорбящих родственников, значит, беспокоить нельзя, а вот скорбящий друг – законная добыча. – Я сейчас должен выполнить одно мелкое поручение. Через пять минут освобожусь, возьму свою машину и поеду в Джорджтаун. – (Это был район к северу от Боинг-филда). – Если хотите выбрать там ресторан или что еще, просто напишите мне сообщение, и я буду через полчаса.

– Отлично. До встречи, – сказал Эл.

Корваллис сфотографировал граффити на асфальте и вошел в здание, мысленно крепясь перед очередным неловким разговором, из которых сегодняшний день состоял чуть больше, чем полностью. Люди в медицинском центре постараются быть предупредительными и выразить сочувствие, но при этом не сказать ничего такого, что может быть использовано против них на слушаниях о преступной халатности. Так что разговор будет чудовищно неловким. Даже предстоящая встреча с Элом Шепардом по контрасту не казалась такой тягостной. Эл гарантированно ломанется прямо через эмоциональное минное поле и в два счета начнет вещать о коннектомике.

Рядом с регистратурой был небольшой конференц-зал, стандартный до полной безликости. Офис-менеджер проводила Корваллиса туда. На середине стола одиноко стояли наплечная сумка Ричарда и холщовая сумка с эмблемой Национального общественного радио. Кто-то собрал одежду Ричарда (которую тот, раздеваясь, наверняка бросил на пол) и аккуратно сложил в холщовую сумку. Эта единственная мелочь яснее всего свидетельствовала, что Додж умер. Корваллис сел, сложил руки на столе и уткнулся в них лбом. Минуты две он безудержно рыдал. Офис-менеджер поначалу смутилась, затем вышла и вернулась с коробкой бумажных носовых платков. Это все Корваллис заключил по звукам; он ничего не видел сквозь слезы, кроме пластиковой столешницы «под дерево». Когда он поднял голову, офис-менеджер стояла в дверях, заламывая руки. Он вытер глаза бумажным носовым платком, затем промокнул слезы со стола, бросил мокрые носовые платки в урну, закинул сумку Доджа на плечо, а холщовый пакет сунул под мышку. Офис-менеджер открыла ему дверь. Он кивнул ей и, не оглядываясь, вышел из медицинского центра.

За время его отсутствия кто-то положил цветы на тротуаре рядом с изображением Ждода. Букет был дополнительно обвязан черным проводом. Со второго взгляда стало понятно, что это джойстик от игровой приставки, аккуратно примотанный к стеблям.

6

Через полчаса Корваллис сидел в кабинке джорджтаунского бара напротив Элмо Шепарда. Эл был в деловом костюме. Некоторые северокалийфорнийские ИТ-миллиардеры из принципа одеваются в дорогих ателье. Эл принадлежал к их числу.

– Си, – сказал Эл, – я сочувствую вашей утрате.

– Все в порядке, – ответил Корваллис. – Мне пришлось исполнить печальную обязанность, но сейчас это позади.

Он держал в охапке вещи из медицинского центра, которые принес с собой. Джорджтаун – нехороший район, машины здесь грабят часто, и он не хотел, чтобы личное имущество Доджа выставили завтра на продажу в Миазме. Додж, если бы мог узнать, от души посмеялся, а вот Элис бы это расстроило.

– Ладно, – с легким смущением сказал Эл. – Я не буду ходить вокруг да около. Известно ли вам содержание документов, которые Ричард Форттраст подписал с «Эфрата крионикс»? Знаете ли вы о них?

– Целиком и полностью, – ответил Корваллис. – Да.

– И вы знаете...

– Про ЭЛШ и все остальное? Покупку компании? Сканирование и облачное хранение? Да.

– Это, вероятно, не имеет отношения к делу, но ваша компания...

– «Нубилант» хранит сканы. Да, это я тоже знаю.

– Отлично, – кивнул Эл. – Похоже, вы в курсе всего, что я считаю прошлыми и нынешними аспектами ситуации. Однако вы никак не можете знать, что мы планируем на будущее.

– Справедливо.

Подошла официантка с заказанной Корваллисом пинтой пива. Он счел, что в таких обстоятельствах вправе выпить за ланчем. Эл пил что-то прозрачное с лаймом, надо думать, безалкогольное. Не подвергая опасности свои мозговые клетки. Интересно, каков «просчитанный риск» сидения в джорджтаунском баре? У скольких людей, выпивающих здесь в полдень, есть при себе спрятанное оружие? Случайный или не очень случайный выстрел – и пуля разнесет Элу мозги, а равно его планы на бессмертие. Есть ли у Эла таблица, в которой он рассчитывает и сопоставляет вероятности?

– Раз уж мы здесь вдвоем, беседуем с глазу на глаз, не стану оскорблять ваши умственные способности, уверяя, будто метод, использованный для Эфратских Одиннадцати, имеет что-либо общее с тем, что мы предполагаем сегодня.

– Для Ричарда Форттраста, вы ходите сказать.

– Для него или кого угодно.

– Кого угодно?

– Для меня. Си, поймите, я не разделяю свое положение и положение Ричарда Форттраста. Я тоже завтра могу оказаться на ИВЛ и хочу, чтобы в таком случае для сохранения моего коннекта применили самые передовые методики, каких бы затрат они не потребовали. Я здесь, чтобы вам сказать: в данном вопросе нет никакой разницы между Ричардом Форттрастом и мной. Мы не предлагаем экономвариант.

Корваллис отпил пива. Хорошее. Интересно, есть ли пиво в цифровом раю Эла Шепарда?

– Вы, вероятно, рассматриваете возможность ионно-лучевого сканирования, – заметил Эл.

– Да.

Это была та самая методика, о которой Корваллис упомянул в разговоре с Форттрастами. Та, с помощью которой в УОТИМе сканировали мышинные мозги. На семейной конференции в гостиничном номере было как-то неуместно входить в детали.

Если считать (как, очевидно, считает Шепард), что коннектом – единственно важное в мозгу, а значит, оцифровав монтажную схему и поместив ее в облако, можно выбросить остальное тело и не потерять ничего существенного, то ионно-лучевое сканирование решает все ваши проблемы. Старая методика, которую применили к одиннадцати замороженным в «Эфрата крионикс», состояла в том, чтобы пропустить мозги через высокоточную ломтерезку, снимая один за другим тончайшие слои и фотографируя каждый срез. Дальше требовалось проследить связи через слои. Именно эту сложную задачу УОТИМ попытался геймифицировать несколько лет назад. Метод целиком зависел от толщины нарезки, разрешения фотографий и внимания геймеров.

Ионно-лучевое сканирование, чтобы сохранить мозг, уничтожает его по несколько молекул за раз. Луч заряженных частиц, сфокусированный с субклеточной точностью, выжигает мозговую ткань. Однако при этом он собирает информацию о том, что разрушает, и записывает

ее с куда большим разрешением, чем позволяла старая методика. По сути, это та же ломтерезка, только куда более прецизионная. Вместо груды слоев толщиной с бумажный лист остаются только дым и пар. Продвинутая форма кремации.

– Послушайте, – сказал Корваллис. – В той мере, в какой это касается меня как нерда, читающего статьи в интернете? Да. Куда лучше, чем пропустить все это через машинку для нарезки колбасы и отщелкать фотографии.

– Я пошел бы дальше, – ответил Эл, – и сказал бы, что тут достигнут предел. Если даже завтра изобретут систему с еще большим разрешением, она ничего дополнительно не даст. Все равно что составлять карту США в субмиллиметровом масштабе – она ничего не добавит к сантиметровой.

Корваллис оторвал взгляд от собеседника и глотнул пива. В последние несколько минут эмоциональный прилив сменился эмоциональным отливом. Все эти разговоры о сканировании мозга превратились в нудные детали, с которыми нужно покончить как можно скорее, желательно – чужими руками. Два щедро финансируемых научных центра – УОТИМ и многочисленные фонды и стартапы Эла – независимо пришли к выводу, что лучше ионно-лучевого сканирования ничего нет и быть не может. Облачные компании вроде той, в которой работал Корваллис, сделали долговременное хранение данных таким надежным и дешевым, что думать вообще не о чем.

Так что тут обсуждать? Эл сам минуту назад сказал, что предел достигнут.

– Зачем вы прилетели в Сиэтл? – спросил его Корваллис.

– Убедиться, что последняя воля Ричарда Фортраста – включая распоряжения о медицинском уходе и об останках – будет выполнена, – ответил Эл.

– Вы считаете, что у вас есть на это моральное и этическое право?

– Я не знаю ничего про его родных, – сказал Эл. – Вы, Си, другое дело. Хотя мы и не встречались, я могу оценить вас по профилю в Линкдин, по вашему послужному списку. Я пришел в этот бар, зная, что мы с вами можем побеседовать спокойно и на должном техническом уровне.

– Какое отношение это имеет к моему вопросу?

Эл умиротворяюще поднял руку. Мол, слушай меня, приятель.

– Мысленный эксперимент. Человек родился в примитивном племени, где медицина находится в руках заклинателей. Самая их передовая терапевтическая методика – тряска гремушкой. Позже ему удастся получить образование. Он переезжает в Лондон, становится точным человеком. Хочет в случае болезни гарантированно получить то же медицинское обслуживание, что и любой в Лондоне. Поэтому он пишет распоряжение о медицинском уходе, где, по сути, говорит врачу следующее: «Если я заболею и буду без сознания, могут заявиться мои родственники с тем, чтобы исцелить меня гремушками. Они попытаются не дать вам, врачам, предоставить мне такой медицинский уход, какой я хочу получить. Так вот, дайте им пинка под зад. Не впускайте их в мою палату. Они могут стоять под окнами больницы и трясти гремушками до посинения, но ко мне в палату пусть заходят только врачи и медсестры». Он пишет это в форме совершенно пуленепробиваемой юридически, подписывает и скрепляет печатью со всех сторон и убирает в надежное место. Давайте предположим, что случилось худшее. Он правда заболел и лежит без сознания. Его увозят в больницу, и, конечно, являются родственники-знахари. И они не просто хотят стоять возле кровати и трясти гремушками. Они хотят выгнать врачей и медсестер, вытащить капельницы, выключить аппараты, отменить лекарства. В этой ситуации, Корваллис, скажете ли вы, что доктор имеет моральное и этическое право вызвать охрану, чтобы та препроводила заклинателей на улицу?

– Так вы хотите знать про ближайших родственников Ричарда, заклинатели ли они с гремушками?

– Да.

– И, – сказал Корваллис, – просто чтобы уточнить вашу аналогию, вы – врач. И медицинский уход в данном случае не обычные процедуры, которые мы под этим словом понимаем, а...

– Ионно-лучевое сканирование мозга. Да.

И снова пари Паскаля. Эл Шепард убежден, что посредством правильной методики сделает Доджа бессмертным. Как Додж и хотел. И Эл не позволит родственникам встать поперек желания Доджа. Ставки слишком велики.

– Давайте на минутку вернемся к вашей аналогии, – сказал Корваллис. – Когда дело становится серьезным, врач зовет охрану и вышвыривает заклинателей вон. Эл, каков ваш план на случай, если дело станет серьезным?

– Я не остановлюсь перед тем, чтобы пойти в суд и получить судебное предписание.

– Обалдеть.

– Послушайте. Фортрасты расстроятся и на какое-то время меня возненавидят. Это минус. А плюс...

– Вы спасете Ричарду жизнь. Или посмертное бытие – как уж вы это называете.

– А попутно? Может, и рассерженным родственникам тоже. Миллион лет спустя они еще поблагодарят меня за то, что я предпринял необходимые шаги.

– Просто обалдеть.

– Теперь вы, возможно, понимаете, отчего я хотел поговорить именно с вами. Не с родственниками. Для них это может быть личное.

– Это личное для меня.

– Но иначе, верно? Даже если вы меня ненавидите, вы понимаете, на каком я техническом уровне.

Корваллис подумал, что сейчас лучше промолчать. Эл Шепард, не встретив отпора, попытался зайти с другой стороны:

– Минуту назад вы сказали, что рассматривали вариант ионно-лучевого сканирования.

Корваллис и впрямь это сказал. Возможно, зря.

– Как я понимаю, вы решили поискать альтернативу услугам, предлагаемым «Эфрата лайф шеринг».

Да, определенно зря.

– К чему вы клоните?

– Вы, вероятно, исходите из вставленного в контракт пункта, согласно которому родственники могут обратиться к другой организации, если решат, что она лучше.

– Учитывая, что вы только что грозили нам судом, – начал Корваллис, – с какой стати я...

– Заверяю вас как технарь технаря, что такой альтернативы не существует. ЭЛШ далеко обогнала всех в этой области. И я намерен активно за нас бороться. Исключить всякое недопонимание. Защитить наш бренд.

– Желаю вам всяческих успехов с вашим брендом, – сказал Корваллис, вставая. В последний момент он, как будто спохватившись, сгреб вещи Ричарда и пошел прочь, не пожав Элу Шепарду руки. Путь к двери проходил мимо ряда барных табуретов. На четырех сидели люди. Для любителей выпить в полдень они выглядели странно накачанными. Может быть, потому что пили воду. Они разом подняли голову, следя за Корваллисом краем глаза. Один глянул на Эла.

– Все в порядке! – крикнул тот. – Пусть идет.

Табличка на двери сообщала Корваллису «ОТКРЫТО». Значит, она сообщала «ЗАКРЫТО» людям на улице.

Эл для одного лишь разговора снял целый бар и рассадил здесь свою охрану.

«Пусть идет». По пути к машине Корваллис не мог отделаться от этих слов. Неужели всерьез возможно, что его бы *не выпустили*? Неужели они думали его *задержать*?

Маловероятно, думал Корваллис, заводя машину и трогаясь на север. Они, может быть, и головорезы, но, скорее всего, головорезы-профессионалы. У них нет юридического права никого задерживать, и они это знают. Про себя они думают: ну и придурок же их босс, если такое сказанул.

А может, просто Корваллис пытался себя успокоить.

7

Он думал сразу отвезти вещи Доджа в гостиницу, но Зула прислала сообщение, что в следующие часа два они будут заняты «переездом», а следом еще одно: *«встречаемся у Ричарда часа через 2»*.

Значит, Додж не будет овощем на вентиляторе. Он умрет в своей постели.

Корваллис заехал на стоянку и отправил сообщение Стэну: *«Может ли Эл получить судебное предписание? Реальная ли это угроза?»*

Потом он набрал номер Бена Комптона. Бен первым променял Корпорацию-9592 на Уотерхаузовский институт мозга, он же и увел за собой остальных. Потом некоторые вернулись к программированию традиционных компьютерных игр, а вот Бен так и остался в УОТИМе.

– Си-плюс. – Голос Бена звучал глухо. Он, разумеется, уже знал новости. Корваллис слышал его через аудиосистему автомобиля, подключенную к телефону через блютус.

– Бен. Ты в курсе.

– Да. Кошмар полный. Даже не знаю, что сказать. Чуть было дома сегодня не остался.

– Может, к лучшему, что ты на работе.

– Могу я тебе чем-нибудь помочь?

– Зарезервируй переговорку, и встретимся там через полчаса.

– Заметано. Пожрать?

– Ага. Я после отвратительного ланча.

– Что было на ланч?

– Полпинты пива.

– Звучит неплохо. Хотя пинта была бы лучше.

– Дело скорее в том, кто там со мной был.

– Юристы?

Как по команде, в держателе завибрировал телефон. Корваллис глянул на экран. Звонил Стэн с рабочего номера.

– Извини, мне звонят. До скорого.

Он переключил Стэна на аудиосистему и выехал со стоянки в сторону центра.

– Ты принял звонок Эла, – сказал Стэн. – Лучше было этого не делать.

– Хуже. Я сидел напротив него за столом.

– Что?!

– Кроме шуток. Пока мы разговаривали в гостинице, он прилетел из Сан-Рафаэля. С оравой телохранителей.

– Черт. И угрожает получить судебное предписание?

– Да. Возможно ли это юридически?

– Это очень необычно. Настолько необычно, что мне придется провести изыскания, – ответил Стэн. – Но в принципе да. Если родственники намерены прямо нарушить распоряжение о медицинском уходе, главный прокурор штата может обратиться в суд и получить предписание.

– И тогда?..

– Тогда, если родственники или врачи проигнорируют судебное предписание, это неуважение к суду. Так что да, у Эла есть дубинка, которой он может грозить Зуле и Элис. Но я в шоке, что он вообще о таком заикнулся.

– Говорит, что защищает свой бренд.

– Охрененная защита бренда.

Организация, известная Элис как Заумный кибербанк, приобрела большое старое здание у незаумного некибербанка, который в начале нулевых сдох из-за финансового кризиса и сопутствующих неурядиц.

В тридцатых годах двадцатого века здание, вероятно, считалось высоким и футуристичным, теперь выглядело низким и забавно старомодным. Новые владельцы провели всю необходимую структурную реконструкцию, чтобы оно не превратилось в груду кирпичей при следующем землетрясении, а затем поделили его между своими подразделениями.

Собственно Заумный кибербанк – коммерческая финансовая организация, выросшая из стартапа под названием «Эпифит» и вобравшая в себя еще несколько шараш-контор аналогичного профиля, – занимал верхние две трети здания. На нижних этажах располагались Семейный фонд Уотерхауза-Шафто и его дочерняя структура, УОТИМ.

Здание стояло на склоне холма, так что с одной стороны посетители заходили на первый этаж, а с другой – на четвертый. Топология оставшегося клина могла бы вызвать трудности у лиц с ограниченным чувством направления, поэтому архитекторы сохранили его по большей части деконструированным: оставили на виду мощный стальной каркас, держащий теперь мраморно-кирпичный пряничный домик наверху. Такая система надежности и пристала банку, который работает с таинственными и, возможно, стремными клиентами. Однако внутренние перегородки были преимущественно стеклянные, так что вы по крайней мере могли видеть места, куда вам вход запрещен.

Не могло быть и речи о том, что Корваллис Кавасаки войдет с улицы и на посту охраны подпишет стандартный эндиэй. Поэтому ему выдали не пропуск, а гостевой бейдж. Это значило, что он может ходить только с Беном и они должны держаться разрешенных для посетителей зон на нижних этажах. Там как раз для таких случаев имелось несколько переговорок, но через стеклянные стены было видно, что все они заняты. Так что Си-плюс с Беном, за неимением другого места куда пойти, начали прогуливаться по музею, занимавшему внутреннюю часть первых трех этажей.

Музей выглядел дорогим. Явно его сляпали не стажеры на скорую руку. Чувствовалось, что серьезные люди приехали из Лондона, работали над экспозицией много лет и создавалась она надолго. Многословные таблички, гравированные на загадочном коррозионностойком металле, излагали длинную интригующую историю. Корваллис пообещал себе, что вернется их прочесть. Сейчас, прохаживаясь и болтая с Беном о пустяках, он в фоновом режиме впитывал визуальную информацию и вынес общее впечатление, что институт уходит корнями в эпоху, когда люди носили большие парики – не пудренные, как у Джорджа Вашингтона, а цвета натуральных волос, и связан по научной линии с Паскалем и Лейбницем, по финансовой – с древней банкирской династией Хакльгеберов, а по политической с... неужто это правда Петр I? Каким-то образом это сходилось к ганноверскому «Лейбниц-архиву», который, честно сказать, никак себя не проявлял несколько сотен лет.

Создатели экспозиции умело замаскировали прискорбную лакуну материалами по первым механическим компьютерам, включая действующую модель разностной машины Беббиджа (ее построили в приступе нердовского энтузиазма, а затем пожертвовали музею местные ИТ-магнаты). Имелся обязательный алтарь Ады Лавлейс, а затем быстрая перемотка к середине двадцатого века и черно-белой фотографии молодых Алана Тьюринга, Лоуренса Притчарда Уотерхауза и Рудольфа фон Хакльгебера на велосипедной прогулке. Тут Корваллис

почувствовал, что запутался: прошлый раз Хакльгеберы упоминались в связи с событиями на двести пятьдесят лет раньше. Но, видимо, этот Рудольф был из тех сверхпривилегированных белых мужчин, кто и впрямь оказался математически одаренным. Так или иначе, отсюда началось целое крыло экспозиции с предметами, которые Корваллис видел в десятках других музеев («Энигма», фотография «Бомбы» Тьюринга), а также уникальными экспонатами вроде ЭВМ, которую Лоуренс Притчард Уотерхауз собрал из органических труб и наполненных ртутью U-образных трубок.

Большая карта мира, расцвеченная дорожками светодиодов и окруженная плоскопанельными мониторами, пыталась донести до зрителя некую сложную цепочку событий, в ходе которых «Лейбниц-архив» увезли из Ганновера (то ли спасая бесценную реликвию от англо-американских бомбардировок, то ли потому, что Геринг хотел ее переплавить) и в конечном счете доставили на Филиппины, где он затонул, не достигнув берега, а позже был поднят Уотерхаузом и Шафто.

Главное заключалось в том, что архив состоял из золотых пластин с пробитыми в них дырочками, вроде ранней версии перфокарт. Пластины эти должны были читаться механическим компьютером под названием Логическая Машина. О Логической Машине много говорили разные ученые со времен Оливера Кромвеля, но никто ее так и не построил, пока Рэнди Уотерхауз – один из основателей Заумного кибербанка – не вбухал часть своих прибылей в создание действующей модели. На это ушло больше десяти лет, поскольку, коротко говоря, проекты восемнадцатого века были очень наивны на инженерном уровне и требовали большого участия людей, чтобы двигать разные рычаги. И все же удалось сконструировать модель для работы с подлинными пластинами из «Лейбниц-архива».

Именно это обстоятельство и позволило Си-плюсу с Беном уединиться наконец для настоящего разговора. Случайный посетитель музея мог видеть Логическую Машину через окно с толстым стеклом, но само помещение отделял дополнительный пост охраны, где требовалось сдать сумки и пальто, после чего вас пропускали через рамку и хлопывали. Для большинства посетителей это был достаточно серьезный барьер, и они ограничивались взглядом через стекло. Бен и Корваллис прошли проверку на входе и оказались одни в стальной камере (она опечатывалась на ночь) с механизмом, который медленно перебирал золотые пластины и тыкал в них металлическими спицами.

– Она в интернете! – воскликнул Бен, указывая на плоскопанельный экран, закрепленный на кронштейне. По экрану двигались строчки – так медленно, что по большей части текст казался застывшим. Корваллис узнал низкоуровневый интернет-язык.

– Ага, – изумленно согласился он.

– На пенсии эпифитовские гики сумели научить Логическую Машину протоколу TCP и присвоили ей собственный IP-адрес. Можешь пингануть ее, если некуда будет девать время.

Они постояли минуту-две, глядя на работу Логической Машины. Было что-то приятно-успокаивающее в том, как металлические стержни цепляют пластины.

Выждав приличествующее время, Си-плюс сказал:

– Итак. Элмо Шепард.

– Эл – фанатик, – ответил Бен.

Бен был в рекламной футболке одной из ранних версий «Т'Эрры», изрядно заношенной, с дыркой от моли над правым соском. Корваллис, не спрашивая, знал, что Бен надел ее сегодня в память о Ричарде Фортрасте, который взял его на работу, после того как Бена выгнали из Принстона. Бен был круглолицый, кудрявый, небритый.

– Ты встречался с Элом?

– Скажем так, пару раз сидел с ним на переговорах. А что?

– Года два назад он ошивался здесь, хотел замутировать что-то между нами и ЭЛШ. После стадии предварительных ухаживаний высокое начальство УОТИМа сочло, что на переговорах нужен программист – просто чтобы сообразить, что же такое Эл предлагает.

– Удивительно, – заметил Корваллис. – Мне казалось, Эл занимается всякими вещами вроде ионно-лучевого сканирования. Как собрать данные и поместить их в облако.

– То есть тем, что совершенно не по моей части.

– Да.

– Ну он смотрит дальше. – Бен отпил кофе с молоком из бумажного стаканчика. – Кстати, в том, что ты назвал, он чувствует себя неувереннее всего.

– Потому что привык жонглировать битами.

– Да. Ему пришлось основательно напрячь мозги, чтобы вникнуть в биологию.

– Оно и заметно по общему подходу, – сказал Корваллис.

– Вот именно. Ребята из «Эфрата крионикс» хотели сохранить тело. Вернуть к жизни конкретный кусок мяса. – Бен пантомимой изобразил, как Эл Шепард отмахивается от этой мысли. – Элу оно не нужно. Превратить его в биты. Как можно скорее. Мясо выбросить. – Он выразительно указал на Логическую Машину и скроил гримасу, пародируя того, кто при виде нее скажет: «Вот он, настоящий мозг!»

– А потом запустить цифровую модель.

– Да. Ты же знаешь, он верит в Сингулярность.

– Знаю.

– Так что все сходится. – Бен улыбался, но совсем не весело.

– И он хотел сотрудничать с вами в этом направлении.

Другими словами, чтобы сделать следующий шаг. Программно воссоздать работу человеческого мозга. Реинкарнировать отсканированный коннектом в качестве облачной цифровой души.

– Я подписал эндиэй, так что много рассказать не могу, – продолжал Бен. – Но я уже упомянул, что присутствовал на переговорах. Два и два можешь сложить сам.

– Не срослось.

– Угу. – Бен хохотнул. – Элмо звал меня к себе. После того как здесь ничего не вышло.

– Но ты не... – начал Корваллис.

Бен перебил его пантомимой, которую Корваллис знал по совещаниям в Корпорации-9592: быстро повел туда-сюда раскрытые ладони, будто стирает с воображаемой доски негодную идею.

– Си. Нет. Послушай меня. Он больной на всю голову.

– Мне он показался не психом, просто, как бы это сказать... исключительно зацикленным на том, во что верит.

– Один хрен. Это его религия. И он пускает ее в ход, как худшие из фанатиков.

– Ты хочешь сказать, оправдывает ею любые свои поступки.

– Да!

– Это я про него понял.

– Ничего у него не выйдет, – сказал Бен.

– Откуда такая уверенность?

– Из-за Доджа.

– Не понял.

– Это то, по чему я вижу, выйдет у компании что-нибудь или нет. Все дело в лидере. В «девяносто пять – девяносто два» у нас был великий лидер, Ричард Форттраст. А здесь это Уотерхаузовский клан. Совершенно другие люди, чем Додж, но тоже классные лидеры в своем роде. Эл не такой. И не важно, сколько у него денег или сколько умных людей на него работают. Ни хрена ни то, ни другое не даст.

Корваллис кивнул. Несколько минут они сидели молча, глядя, как думает Логическая Машина. Бен сказал:

– Главный вывод, по-моему, такой: не дай этому козлу захватить мозг Доджа.

8

Через несколько часов Корваллис был у Ричарда в квартире, сидел на диване в большой комнате и чувствовал себя лишним. Элис и Зула говорили по телефону с медработниками. У Фортрастов выдался хлопотный денек. Как только они решили перевести Доджа домой, начались часы безумной логистики: договориться со службой перевозки больных, арендовать аппарат ИВЛ и прочее оборудование, выбрать сиделок. Корваллис приехал минут через десять после того, как Доджа переложили с каталки на кровать, где он проснулся сегодня утром и где ему вскоре предстояло умереть. Рядом стояли трое в медсестринской форме, хотя Корваллис не знал, медсестры они или какие-то другие специалисты по уходу на дому. Больше всего Корваллису хотелось сбежать. Он постепенно привыкал к мысли, что его друг умер; ужасно было видеть, как тот лежит, по виду совершенно живой, и, кажется, сейчас откроет глаза, сядет и потребует вытащить из горла трубку.

Элис лет двадцать тащила на себе заботы о дедушке Фортрасте, отце Ричарда, Джейка и ее мужа Джона. После инсультов тот полностью зависел от аппаратов и сиделок. Сейчас она была в своей стихии, так что Зуле осталось лишь молча рассылать эсэмэски родне. Корваллис был совершенно бесполезен.

Одиноко, сидя на диване, он расстегнул сумку Ричарда, думая составить опись вещей. Сверху лежали наушники – те самые, разумеется, что были на последнем видео. Ричард просто затолкал провод вслед за наушниками. Корваллис аккуратно вытащил их, обмотал проводом и положил на стол.

В сумке лежали еще две книги большого формата и яблоко. Корваллис достал книги. Они были детские, про греческие и скандинавские мифы, с яркими литографиями. Корваллис положил яблоко на стол рядом с книгами и некоторое время на него смотрел. Оно было маленькое и не такое идеальное, как обычные магазинные. Прямоком из какого-то сада. Возможно, Ричард захватил его для перекуса.

Теперь в сумке остались только всякие мелочи, рассованные по внутренним карманам: батарейки, карамельный батончик, зарядки для разной электроники, номер «Экономиста» двухмесячной давности.

Корваллис гадал, возмутится ли семья, если он также проверит карманы Ричардовых брюк, и решил, что лучше не надо.

Телефон завибрировал. Пришло сообщение. Стэн писал: *«Кнут и пряник от Эла. Позвони мне»*.

– Давай сперва про кнут, – так Корваллис начал разговор. – Надо понимать, с тобой связались его юристы?

– Ага, – ответил Стэн.

– Угрожают судебным предписанием?

– И не только, – в голосе Стэна сквозила легкая ирония. – Они еще что-то вякают про уголовное преследование.

– Издеваешься?

– В законодательстве есть всякая древняя бредятина про ненадлежащее обращение с покойниками. Вероятно, вписана века назад, чтобы наказывать людей, кравших трупы для вскрытия. Юмор в том, что Фортрасты как раз хотят вскрыть тело определенным образом...

– Ионным лучом.

– Да. Послушай, не воспринимай это слишком серьезно. Никого за такое в тюрьму не посадят. Думай тактически. Элис и Зуле надо принять решение. Им и без того треплет нервы Джейк с его религиозными взглядами. Теперь Эл ищет, как бы потрепать им нервы еще сильнее. Грозит судебным предписанием и даже уголовным преследованием. Все это фигня.

– Но в качестве кнута годится.

– Да. И это возвращает нас к прянику.

– Ага. Что за пряник?

– Пока лишь туманные намеки. Но суть в том, что это всего лишь единицы и нолики.

– Ты хочешь сказать, после того как мозг Доджа отсканируют.

– Да. В итоге процесса остается сколько-то дыма в небе и сколько-то данных в файле.

Эл хочет копию данных.

– Всего лишь копию.

– Да. Неисключительную лицензию. Фортрастовский семейный фонд может сохранить собственную копию и делать с ней что пожелает.

– Тогда Эл заткнется и оставит нас в покое.

– Если я правильно его понял, да.

– Зачем Элу это все? – спросил Корваллис. – Почему он не возьмет какой-нибудь другой мозг? Куча людей же умирает.

– Куча людей умирает, – согласился Стэн, – но не все оставляют юридически заверенные указания сохранить их мозг.

– Он может найти желающих.

– Конечно. Но трудно найти таких, кому по карману подобная процедура.

– Так дело в деньгах? Разве Эл не может...

– Вспомни, аппарат для ионно-лучевого сканирования еще не создан, – сказал Эл.

– УОТИМ пока только пробует на мышах.

– Да. Технология в зачаточном состоянии. Машина, способная целиком отсканировать человеческий мозг, обойдется в миллиарды. Даже Элу Шепарду такое не потянуть. А вот совместными усилиями ЭЛШ, УОТИМа и фортрастовского семейного фонда, возможно, что-нибудь и удастся сделать. И он не хочет оказаться вне этого союза.

– Станный способ заключать союзы.

– Нравится тебе или нет, некоторые именно так ведут бизнес. Методом кнута и пряника, – сказал Стэн.

– И что ты мне советуешь делать сейчас?

– Ровно то, что ты делаешь, – ответил Стэн. – Не забывай, сканер появится еще не скоро.

Времени принять решение выше крыши.

– Я правильно понимаю, что Фортрастам это все пересказывать не надо?

– Нет. Пусть горюют. Но если они внезапно решат его кремировать, позвони мне.

В ходе разговора Корваллис бесцельно скользил глазами по столу. Он заметил, что книга греческих мифов выглядит немного странно. Она была совершенно новая, но с дефектом. С торца можно было разглядеть, что первые страницы пошли волнами, как от сырости. Корваллис придвинул ее к себе. Это была «Д’Олеровская книга древнегреческих мифов». Он открыл ее и увидел две вещи. Во-первых, дарственную надпись.

София!

Надеюсь, ты полюбишь эти истории так же, как я любил их в твоем возрасте! Если захочешь, чтобы я почитал их тебе вслух, просто попроси маму мне позвонить.

Люблю, целую.

Дядя Додж.

И, во-вторых, лист. Большой кленовый лист, красный, как пожарная машина, зажатый между обложкой и первой страницей. Он был все еще мягкий и влажный. Видимо, он был совсем мокрый, когда Додж сунул его сюда, оттого страницы и пошли волнами. Очевидно, Додж подобрал лист перед самым входом в медцентр и, чтобы сохранить для племянницы, вложил в книгу.

Корваллису стало стыдно, что он подсмотрел нечто его не касающееся. Он бережно закрыл книгу и положил обратно на стол.

Минут через пятнадцать хлопнула дверь – кто-то вошел из лифтового холла. Кто-то, у кого были ключи от квартиры. Несколько мгновений Корваллиса мучила дикая фантазия, что вернулся Додж, а все остальное было сном либо галлюцинацией. Но тут тоненький голос позвал:

– Дядя Ричард! Дядя Ричард! Здравствуй! Тебе лучше?

В ответ раздался более низкий голос с восточноевропейским акцентом:

– Тсс, не буди дядю Ричарда, он спит. – Это говорил Чонгор, муж Зулы. – Не забывай, он очень болен.

Корваллис внезапно ясно понял: семья разыгрывает сложный и дорогостоящий спектакль исключительно ради Софии. Трудно объяснить ребенку ее возраста, что любимый дядюшка ни с того ни с сего просто перестал существовать. Непродолжительная тяжелая болезнь, затем смерть – вот лучшее, что они смогли выдумать. София не готова принять, что совершенно здоровый по виду дядя Ричард – на самом деле фактически безмозглый овощ. Ей говорят, что он болен, что он спит. Через несколько дней девочке сообщат ужасное известие о его смерти. Про то, чего требуют распоряжения о медицинском уходе и останках, она узнает, когда подрастет.

– Здравствуй, Корваллис Кавасаки!

София всегда обращалась к нему так, гордясь, что может произнести трудное имя. Она была маленькая, едва до середины бедра своему крупному отцу. По счастью, она больше взяла от Зулы, чем от Чонгора, в первую очередь роскошную кудрявую шевелюру. Венгерская кровь угадывалась в глазах, зеленовато-голубых с легкой азиатской раскосостью.

Корваллис невольно широко улыбнулся – в первый раз с тех пор, как все это началось.

– Привет, София! – сказал он. – Как в садике?

– Отлично, – последовал неизбежный ответ.

Корваллис и Чонгор переглянулись.

– Вот они! – завопила София.

Она пулей влетела в комнату, запрыгнула на журнальный столик и затормозила, чтобы поглядеть на обложки сверху.

– «Ду-ле-ровская книга древнегреческих мифов» и «Ду-ле-ровская книга скандинавских мифов». Дядя Ричард мне их купил. – Она повернула голову и осуждающе глянула на Чонгора: – Мама с папой их забыли!

– Дядя Ричард хотел, чтобы они были у тебя, – сказал Корваллис. – Он надписал для тебя одну. И оставил внутри маленький подарок.

София схватила «Древнегреческие мифы» и открыла обложку. От резкого движения красный лист вспорхнул в воздух. София от неожиданности с визгом шлепнулась на попку и застыла, глядя, как лист планирует на стол.

Потом серьезно глянула на Корваллиса:

– Это и есть подарок?

– Да.

– Такой красивый! – воскликнула она.

– Да, очень.

– А яблоко тоже мне?

Корваллис взял яблоко и глянул на Чонгора. Тот кивнул.

– Да, – ответил Корваллис. – Это все тебе.

Часть 2

9

В следующие три года «Нубилант» расширялся рывками по мере того, как руководство ухитрялось привлекать новые инвестиции, словно персонаж в компьютерной игре, вынужденный совершать один головокружительный подвиг за другим. На каждом этапе финансирования оценочная стоимость компании росла, а значит, рос и теоретический капитал самого Корваллиса. Он начал задумываться, не пора ли завести личную жизнь. Как именно к этому приступить, было не совсем понятно. Почти все свободное время Корваллис отдавал своему хобби: тщательной реконструкции, в парках и на пляжах Тихоокеанского Северо-Запада, повседневного быта древнеримского легиона. Увлечение почти исключительно мужское, что способствовало бы личной жизни, будь он (как уверяли слухи) геем, однако он был однозначно гетеросексуален. Когда он все-таки выбирался в люди, то обычно к Чонгору, Зуле и Софии, которые стали ему почти что семьей. Иногда там присутствовали одинокие молодые женщины, и Корваллис тут же замыкался, понимая, что Зула пытается его сосватать. Он объяснял отсутствие личной жизни тем, что находится «в режиме стартапа», а в таком режиме обычные правила не действуют. Думать обо всем остальном можно будет после краха или «выхода» – единственных возможных исходов для стартапа.

«Выход» – в том смысле, что он внезапно сделался еще богаче, – случился, когда их купил «Лайк», калифорнийская компания, владеющая крупной социальной сетью. У «Лайка» была собственная система облачных вычислений, по многим параметрам превосходящая «нубилантовскую». Однако благодаря некоторым умным решениям Корваллиса «Нубилант» особенно хорошо умел то, что оказалось нужно социальным сетям. Таким образом он стал вдвойне желанным – и сам по себе, и ради того, чтобы утереть нос конкурентам, уведя у них из-под носа лакомый кусок. Так Корваллис Кавасаки на пороге сорокалетия стал сантимиллионером. Теперь он был директором по научным исследованиям в «Лайке», крупном ОАО со штаб-квартирой в Маунтин-Вью. Он легко мог уйти на покой, но не ушел, потому что любил работу и чувствовал ответственность за команду, которую набрал и воспитал в Сиэтле. Он купил долю в частном самолете и летал на побережье примерно раз в неделю.

Он только-только освоился с переменами в жизни, когда однажды утром его разбудил рингтон, означавший, что звонит новый босс – руководитель «Лайка».

По правде сказать, последний час Корваллис спал беспокойно. Он оставил телефон рядом с собой экраном вверх. Когда приходили извещения, экран включался, рождая голубоватые сполохи. Корваллис, просыпаясь, думал, не перевернуть ли телефон, но некая глубокая нердовская часть мозга боялась поцарапать экран о камни. Ибо, как и остальные легионеры, Корваллис спал прямо на земле, завернувшись в шерстяной плащ. Ни на одно извещение он не посмотрел.

Телефон сейчас был настроен так, что мог зазвонить лишь при исключительных обстоятельствах, таких как личный входящий вызов босса. Легион совершал переход в Биттеррутских горах западной Монтаны, заменявших в данном случае Альпы. Днем мобильники и другие электронные гаджеты были под запретом, но в палатке, в темное время суток, разрешалось выйти из образа, лишь бы не громко.

Однако будить людей спозаранку неприлично в любом месте, так что Корваллис сразу схватил мобильный, чтобы тот не трезвонил.

– Сальве, – прошипел он в телефон под недовольное ворчание товарищей по палатке.

– Ты нужен мне здесь, – ответил босс. – Аврал.

И отключился. У Корваллиса осталось странное чувство, что он упустил что-то важное.

– Корвус, туам матрем! – возмутился легионер из соседней палатки. – Звук выключи!

«Корвус» была латинизированная версия его имени. Он выключил звук, чтобы телефон не тренькал при нажатии на экран.

Цепочка извещений объяснила всё. Они были от разных людей в разных соцсетях, но все вызваны одним и тем же событием: ядерным взрывом в городе Моав, штат Юта.

Это произошло до рассвета, примерно в 5:20 по местному времени. Первые посты были от страдающих бессонницей пассажиров и команды ночных трансконтинентальных рейсов, которые сообщали о вспышке, ослепившей их на расстоянии в сотни миль. Она погасла так быстро, что никто не успел ее заснять, однако сообщения ушли в «Твиттер» и «Фейсбук» через самолетный вай-фай, а к тому времени, как Корваллис глянул в телефон, их уже ретвитнули и перепостили миллионнократно.

Некий Ларри Проктор, блогер с контактами в мире военных и разведки (судя по блогу, который он вел со времен службы в Катаре), поймал утечку из зоны. mil в гражданский интернет. Утечка смутно намекала на возможность радиоактивного заражения в юго-восточной Юте. Персонал близлежащих баз сообщал, что увольнительные отменены и подразделения приведены в боевую готовность. Происходить это должно было в секрете, но никто не может заткнуть рот женам и детям-подросткам. Кто-то из округа Колумбия запостил фотку доставщика пиццы в идущем к Пентагону вагоне метро. Пицц было столько, что доставщику пришлось везти их на тележке. В комментариях самозванные эксперты наперебой объясняли, что крупная доставка пиццы в Пентагон – верный знак, что происходит нечто важное. Пересыпанный эмодзи пост четырнадцатилетней техасской девочки с нечетким кусочком видео, как ее одетая в камуфляж мамаша закидывает в пикап вещмешок и газует с места, сделался вирусным. Новостные каналы за отсутствием какой-либо определенной информации с места катастрофы повторяли его снова и снова. Моав располагался далеко отовсюду, на пересечении реки Колорадо и двухполосного шоссе. Ни звонков, ни интернет-трафика оттуда не поступало.

Все это Корваллис прочел, надевая калиги – походные полусапоги-полусандалии легионеров – и собирая вещи настолько сосредоточенно, насколько это возможно делать, читая одновременно телефон. Он спал в льняной тунике, завернувшись в плащ. В горах было холодно, так что, прежде чем выйти из палатки, он закутался поплотнее. Поход был облегченный, на выходные с родственниками. Легионеры встали лагерем на лугу, но в четверти мили ниже, на парковке в конце дороги, виднелась фаланга современных автофургонов. Там работали генераторы и горели электрические огни. Корваллис сунул снаряжение в вещмешок, забросил его на плечо и потрусил по склону. Из одного автофургона тянуло аппетитным запахом – там жарили бекон. Через окно Корваллис увидел телеэкран, на котором шла живая трансляция (у фургона была на крыше спутниковая тарелка). Корваллис замедлился. Показывали Лос-Анджелесский аэропорт, где только что сел первый из ночных рейсов. Репортеры подкарауливали пассажиров на выходе из зоны контроля. Большинство всё проспало, многие не хотели говорить с прессой, но один энергичный тип – модно взлохмаченный молодой актер, летевший из Нью-Йорка в Лос-Анджелес на съемки, – увидел вспышку краем взгляда, играя на своем телефоне. Он успел включить видео и заснять оранжевое грибообразное облако. Так что первыми кадрами гибели Моава стал просто снятый крупным планом телефон в дрожащих руках актера. И это правда очень походило на ядерный гриб.

Корваллис прошел через парковку к своей «Тесле», забросил вещмешок в багажник и сел на водительское место. Телефон подключился к системе электромобиля, и большой экран в середине приборной панели ожил. Корваллис набрал круглосуточную горячую линию авиакомпании и сказал, что ему нужно срочно вылететь из Миссулы – ближайшего крупного города – в Сан-Хосе. Его попросили оставаться на линии. Он открыл почту и увидел, что писем много, но

ни одного срочного; сейчас главное было сесть в самолет. Корваллис перевел «Теслу» в режим движения вперед и бесшумно заскользил по стоянке в сторону дороги с гор.

К тому времени как он добрался до магистрали, диспетчер сообщил, что пилот уже выехал в Боинг-филд. Самолет заправляют. Он скоро взлетит и, вероятно, будет в Миссуле раньше Корваллиса.

Дорога по Биттеррутской долине заняла около часа. Почти все это время Корваллис перебарывал искушение смотреть на экран и слушал радио. Все было забито экстренными выпусками, в равной мере тревожными и неопределенными. Казалось бы, проще всего отправиться в Моав и сделать репортаж оттуда. Однако все вертолеты в часе лета от эпицентра были разобраны неведомо кем, а пилотам велели не пролетать близко к Моаву из-за опасности радиоактивного заражения. Ведущие по большей части пересказывали сообщения из Миазмы. На дискуссионных форумах в топ выталкивались фотографии военных блокпостов. Комментаторы увеличивали детали снимков и отмечали различное снаряжение: счетчики радиации, дозиметры, флаконы с таблетками, которые надо глотать, если облучился. Время от времени микрофон переключали на финансовых экспертов, сообщавших о неизбежном обвале рынка. Торги на Нью-Йоркской бирже уже приостановили до конца дня. Главы иностранных государств выражали озабоченность и предлагали помощь. Джихадистский сайт запостил видеоролик, в котором говорилось, что Моав – первое предупреждение и такая же бомба размещена в одном из крупнейших городов США.

К тому времени когда Корваллис въехал на окраину Миссулы, пассажир в Лос-Анджелесском аэропорту уже продал видео грибообразного облака медиакомпания, предложившей наибольшую цену. Стоя на светофоре, Корваллис посмотрел ролик на экране. Снято было с расстояния в сотни миль, так что в оригинале изображение было совсем маленькое; медиакомпания разогнала его и улучшила.

Она недолго наслаждалась эксклюзивностью. К тому времени как Корваллис добрался до аэропорта, другая компания заполучила видео еще лучшего качества с видеорегистратора грузовика. Шофер, увидевший ядерный гриб с расстояния двадцати миль от Моава, тут же развернулся и погнал в ближайший город, где можно выйти в интернет.

Охрана пропустила Корваллиса на частную парковку, и он смотрел ролик на экране электромобиля, пока экипаж забирал из багажника его вещи и перекладывал в грузовой отсек. Видео было куда лучше качеством, чем снятое на мобильный, но все равно оставляло простор для воображения. Грузовик ехал не прямо в сторону Моава, так что в кадр попала только половина облака. Безусловно грибообразного. Видно было, как оно, поднимаясь над Моавом, взаимодействует с различными атмосферными слоями, а в темных частях кадра – как зарево подсвечивает обращенные к Моаву склоны холмов.

Корваллис передал «Теслу» наземному служащему для парковки и прошел оставшиеся пятьдесят футов до самолета. Один пилот уже занимался в кабине своими пилотскими делами, другой закрывал грузовой люк. Стюардесса (Корваллис смутно помнил, что ее вроде бы зовут Бонни) стояла на верхней ступени трапа. Корваллис не знал, где авиакомпания набирает стюардесс, но рабочая гипотеза состояла в том, что все они – манекенщицы старше тридцати лет. Их мир был далек от его мира, как Древний Египет, хотя они сосуществовали в одном пространстве-времени. Изредка, например, когда Бонни встречала Корваллиса на трапе, его мир соприкасался с ее миром, и если Корваллис не был слишком погружен в свои мысли, то бросал на Бонни взгляд и дивился, до чего же непохоже их существование.

Сегодня ее пассажиром был аййтишник, пусть не миллиардер, но, вполне возможно, будущий миллиардер. Он подошел к самолету в тунике и плаще римского легионера, но с тем же успехом на нем могли быть джинсы, футболка и худи.

Улыбка стюардессы чуть дрогнула, но профессионализм тут же взял верх, и к тому времени, как его калиги переступили порог самолета, Бонни уже полностью овладела собой. Под-

кованные железом подошвы цокали по дереву экзотических пород, пока Корваллис не дошел до главного салона, где пол был застлан ковровой дорожкой. Он снял шерстяной плащ и протянул Бонни. Та оценивающе погладила ткань и отнесла плащ в маленький стенной шкаф.

Возможно, ее внимание привлекла вышивка по краю одеяния: узор из повторяющихся вороньих голов. В реконструкторской группе Корваллиса было принято выбирать себе персонажа или хотя бы имя, которое в пылу боя прозвучит не слишком анахронично. Корваллис стал Корвусом, что на латыни значит просто «ворона». Отчасти это было естественное сокращение фамилии, отчасти намек на цвет кожи. Его отец был наполовину японец, мать – из Южной Азии. По современным меркам дразнить этим не полагалось, но, очевидно, в римском легионе он бы выделялся как уроженец восточных провинций. Другие legionеры наверняка придумали бы ему какую-то такую кличку. Так появился Корвус. Поначалу прозвище ему не нравилось; воробы или воробы (он плохо их отличал) ассоциировались у него с Эдгаром Алланом По и готической культурой вообще. Однако от времени и повторения все исправилось. Теперь он воспринимал свое имя через мифы Тихоокеанского северо-запада и римской авиомантии. В Сиэтле есть только чайки, воробы и орлы. Чайки – вездесущие безмозглые потребители. Орлы великолепны, огромны, сильны, но относительно редки; обычно, если пролетает орел, люди бросают свои дела и следят за его полетом. Врановые отличаются исключительным умом, памятью, а также изобретательностью, но, несмотря на эти замечательные черты, их никто не любит.

Врановым люди приписывают те же черты, что и азиатам (если забывают навыки политической корректной речи или изначально ими не обзавелись). Вороны очень умны и постоянно чем-то заняты, но их не отличишь между собой и мотивы их угадать невозможно. Однако Корвус прекрасно знал собственные мотивы. В них не было ничего дурного, и он не собирался их ни перед кем оправдывать.

При жизни Ричарда Фортраста Корваллис соотносился с ним, как ворона с орлом. А может, он задним числом себя в этом убедил. Всякий раз, видя в окно, как орел парит над озером, а рядом суетливо машет крыльями ворона, он думал о себе и Додже. С именем Корвус он свыкся, а погружаясь все глубже в реконструкторский мир, тратя все больше денег на одежду, доспехи и оружие, взял на себя труд персонализировать их в соответствии с вороньим именем. Нашел на Крейгслисте художника, который нарисовал правдоподобный античный арт, потом людей, готовых вышить рисунок на ткани и вычеканить на доспехах. Из Миазмы можно добыть что угодно, включая целый альтернативный исторический образ.

«Корвус» сел на свое всегдашнее место (впереди справа от прохода), застегнул ремень безопасности поверх туники и, пока самолет вырубивал на полосу, вытащил и включил ноутбук. Ноут впал в ступор – десятки приложений пытались синхронизироваться через перегруженную беспроводную связь. Только когда самолет взлетел и поднялся на ту высоту, на которой включился бортовой вай-фай, Корваллис получил нормальный интернет. В левой части экрана он открыл обычное окно браузера, чтобы видеть мир так же, как другие люди, в правой запустил два приложения, связанные непосредственно с внутренними системами «Лайка» по зашифрованному соединению. Браузер страшно тормозил, второе окошко показывало почему: системы «Лайка» были перегружены, как, вероятно, и все платформы соцсетей.

Гидрометцентр выдавал карты, где исходя из нынешнего и прогнозируемого направления ветров указывались области вероятного выпадения радиоактивных осадков. На магистрале I-70 у Гранд-Джанкшен, штат Колорадо, образовалась многокилометровая пробка, потому что жители рванули из опасного места и начали въезжать друг другу в зад. Другая пробка возникла на аэродроме в Аспене, где все частные самолеты одновременно запрашивали разрешение на взлет. Телеканалы, у которых не было настоящих видео из Моава, снова и снова показывали пробки.

Внезапно недреманное око новостных агентств обратилось к Лас-Вегасу. Полицейские (судя по количеству – все полицейское управление Лас-Вегаса в полном составе) эвакуировали многоэтажный отель-казино. Они высадились из вертолетов на крышу и (как прекрасно видели длиннофокусные объективы на дронах или просто нацеленные из окон соседних многоэтажек) комната за комнатой обыскивали пентхаус. У них были собаки и счетчики Гейгера. По телевизору военные эксперты, наблюдая за рейдом в реальном времени, объясняли, что верхний этаж небоскреба – оптимальное место для взрыва тактической ядерной бомбы; разрушений будет куда больше, чем если разместить его на уровне земли. К тому времени как поступил официальный приказ эвакуировать все здания на милю вокруг, улицы уже были забиты туристами, решившими не ждать.

С точки зрения Корваллиса, который смотрел новости в одном окошке и мониторил системы «Лайка» в другом, лас-вегасские события породили эквивалент цепной ядерной реакции, поскольку все одновременно пытались запостить фотки и видео. Результатом стало что-то вроде паралича. Серверные парки «Лайка» создавались в расчете на мощные всплески трафика, а купленные у «Нубиланта» технологии еще увеличили их производительность. И все равно число компьютеров было конечно, как и пропускная способность. Теперь оставалось лишь ждать, когда все уляжется.

Так что Корваллис ждал, глядя в застывший экран, вместе с миллиардом пользователей Миазмы. Его мысли вернулись к несчастному Моаву. Отдаленный, труднодоступный, окруженный блокпостами, радиоактивный, вероятно, обращенный в пепел город как-то отодвинулся на второй план. Корваллис был там несколько лет назад, когда сплавлялся на рафте, и запомнил его как чудесный городок, Мекку энергичных ребят в карго-шортах и девушек в спортивных топах.

Ему подумалось, что сейчас самое время сменить наряд римского legionera на обычный. Вчера он переоделся на заднем сиденье «Теслы» и затолкал современную одежду в вещмешок, который убрал в багажник. Но теперь вещмешок был в грузовом отсеке самолета и до посадки недоступен.

В сети родился слух, что связь с Моавом прервалась еще два дня назад, когда жителей поразил стремительно распространяющийся вирус, предположительно сбежавший из соседнего центра по разработке биологического оружия, и что президент решил стерилизовать весь город атомной бомбой. Посты на дорогах поставлены не для того, чтобы не пускать любопытствующих. Их цель – не дать выбраться уцелевшим зараженным жителям. Всех вооруженных сограждан из краев, сколько-нибудь близких к Моаву, призывали выставить дозор на крышах и холмах и отстреливать сбежавших зомби. Эта и другие альтернативные версии реальности тут же опровергались строгими комментаторами, но одновременно подхватывались и расцветались маргинальными радиостанциями и сообществами сетевых единомышленников.

Президент, который был с государственным визитом на Дальнем Востоке, призвал к спокойствию, затем отменил все мероприятия, погрузился на борт номер один и вылетел в США. Впрочем, утекший в сеть документ, тут же растащенный по блогам и многократно перепощенный, показывал, что конечным пунктом в плане полета значится командный ядерный бункер в Колорадо-Спрингс.

За неимением полезных занятий Корваллис решил для начала хотя бы разбить гипотезу зомби. Через VPN, связывающий его с серверами «Лайка», он мог провести поиск по колоссальной базе данных, где хранилась вся активность в соцсетях со дня, когда компания вышла в онлайн. Этому он неплохо научился за время работы в Корпорации-9592, где необходимо было отслеживать действия миллионов игроков, чтобы сделать «Т'Эрру» интересной, успешной и прибыльной. Сейчас достаточно было задать нужный запрос и вывести все, что написали в «Лайке» пользователи из Моава, штат Юта, за последнюю неделю.

Разумеется, Корваллис и на секунду не поверил в эпидемию, вызванную биологическим оружием. Слух, конечно, запустили тролли. Оставался один вопрос: это тролли-пофигисты, сеющие панику по приколу, или мотивированные тролли, заинтересованные в том, чтобы миллионы доверчивых пользователей шелкнули по конкретной ссылке. Но одна из гнусностей Миазмы состоит в том, что она заставляет разумных людей вроде него – людей, у которых есть занятия поважнее, – спорить с неведомыми придурками, из которых многие, возможно, даже не верят в свои доводы, а некоторые и вообще не люди. Запрашивая базу данных, Корваллис готовил доводы для такого бесполезного спора. Если бы жители Моава внезапно разом заболели, они бы жаловались в сети. Отменяли намеченные встречи, сочувствовали друг другу, делились идиотскими домашними средствами, искали в интернете по определенным ключевым словам вроде «высокая температура и сыпь». Даже если государственные органы позже отрезали город от остального мира, все предыдущее заархивировано на серверах «Лайка», и те, у кого, как у Корваллиса, есть к ним доступ, могут это проанализировать.

Естественно, по запросу он получил совершенно нормальный недельный трафик добрых моавских жителей. Абсолютно ничего про загадочную смертельную болезнь. Так что версию о биологическом оружии разбить было легко, во всяком случае, если вы принадлежите к меньшинству пользователей Миазмы, то есть к тем, кому правда важны логика и доказательства.

Не столько из любопытства, сколько из обсессивно-компульсивного стремления наводить порядок Корваллис отсортировал результаты по времени, так что самые свежие посты оказались вверху списка. Теперь он видел все, отправленное из Моава в соцсети за дни и часы перед взрывом.

В итоге на экране остались по большей части сообщения за прошлую ночь – то, что люди постили перед сном. Было пьяное селфи с вечеринки в 3:12, затем два часа перерыва.

Верхняя запись на экране – другими словами, последнее, что ушло в соцсети из Моава, штат Юта, до того как его разбомбили, – была сделана с аккаунта компании «Каньонленд эдвенчерс». Судя по профилю, компания базировалась в Моаве и занималась организацией рафтинга на реке Колорадо. Предыдущие записи включали анонсы мероприятий, домашние новости (кошка в офисе поцапалась с собакой), фотографии счастливых рафтеров на природе и логистические апдейты для клиентов.

Последняя запись была как раз таким апдейтом: только текст, без фотографий и гиперссылок. Она гласила: «Дорогие Джонсы! Ваш гид Мэйв уже здесь, с первым светом утра, и готова к увлекательным приключениям. Встречаемся на косе в 6 ровно. Пишу с телефона, потому что у меня только что отрубился вай-фай! Если что, звоните мне на мобильный. И не забудьте: КРЕМ ОТ СОЛНЦА И ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ!!!»

Из метаданных следовало, что запись и впрямь сделана с мобильного телефона через эсэмэс. В 5:05 по местному времени, то есть за пятнадцать минут до взрыва бомбы.

10

Несколько лет назад Корваллис попал в относительно серьезную аварию. Он притормозил, а автомобиль следом за ним – нет; водитель набирал эсэмэску и смял ему багажник в лепешку. Задним числом удивительнее всего было вспоминать, как долго мозг восстанавливал картину событий. С точки зрения системы мозг-тело все началось с того, что его ударил подголовник – так сильно, что Корваллис затылком ощутил заклепки каркаса. Потом случилось много всего другого, и он отвлекся. Лишь примерно через час он ощутил боль в голове и нащупал на затылке большую шишку.

Сейчас было нечто похожее. Время, когда Мэйв отправила сообщение, и слова «у меня только что отрубился вай-фай» ударили его по голове, но мозг сосредоточился на них не сразу.

Корваллис легко нашел фамилию Мэйв (Браден) и ее адрес. Она жила в центре Моавы, в нескольких кварталах от офиса «Каньонленд эдвенчерс». Вне зависимости от того, писала она из дома или с работы, от центра взрыва Мэйв отделяли всего лишь сотни ярдов.

Некоторое время он бесцельно шелкал по сообщениям Мэйв в разных соцсетях. На «Лайке» и других платформах она регистрировалась под разными вариантами своего имени (Мэб, Маб, Мабв) и фамилии (Брадан, О Брадейн), благо и то и другое было гэльское, с простором для альтернативных написаний. Довольно обычная уловка. Человек не хочет светиться в соцсетях под своим именем, но знает, что ник должен выглядеть правдоподобно; «Микки Маус» или «Х У» алгоритм зарубит, а «Мабв О Брадейн» – пропустит. «Мабв» всего одной буквой отличается от «Моав»; возможно, Мэйв заодно обыгрывала свое новое место жительства.

Она родилась в Австралии, в Штаты переехала по каким-то семейным обстоятельствам, на которые смутно намекала, не раскрывая подробностей. Из-за врожденного дефекта ей еще в детстве ампутировали обе ноги выше колена. Почти все свои двадцать девять лет она увлекалась греблей. У Верны, ее старшей сестры в Аделаиде, была третья стадия меланомы; Мэйв не просто так напоминала туристам про защиту от солнца.

В какой-то момент Корваллис поймал себя на том, что читает статью о современных высокотехнологичных протезах по ее ссылке. Двое-трое его знакомых такими пользовались, и он как-то инвестировал в стартап, занятый разработкой еще более совершенных протезов. Так что у них с Мэйв случайно обнаружился общий интерес.

Самолет летел над Биттеррутскими горами в направлении юго-юго-запад. Корваллис открыл на телефоне карту и увеличил ее так, чтобы Сан-Хосе был в нижнем левом углу, Моав – в нижнем правом, а Миссула – сверху.

Он отстегнул ремень и прошел на крохотный камбуз, где Бонни варила кофе. После взлета она сбросила туфли на высоком каблучке и надела более удобную обувь. Бонни глянула на него с легким недоумением: туалет располагался в хвосте, а на камбуз пассажиру заходить было незачем.

Режим безопасности на частных самолетах мягкий. Дверь кабины небронированная; ее часто оставляют открытой, чтобы любопытный пассажир мог зайти к пилотам. Сейчас она была закрыта. Чтобы постучать, пришлось сделать над собой усилие. Корваллис собирался принять решение, которое никому не понравится. Он плохо умел вести себя в таких ситуациях, а главное, не любил оказываться в центре внимания. Так что он провел небольшую психологическую подготовку, которая за последние годы вошла у него в привычку: вообразил Ричарда Фортреста, здорового и крепкого, как тот уверенно стучит в дверь. Черт, Додж бы и стучать не стал, просто вошел, поздоровался с Фрэнком и Ленни – пилотом и вторым пилотом – и сказал что нужно.

Бонни странно на него покосилась.

Корваллис улыбнулся ей, затем постучался и открыл дверь.

– Фрэнк и Ленни, – сказал он, – по моей карте Моав примерно в том же направлении и на том же расстоянии, что Сан-Хосе. Значит, нам хватит топлива до Моавы. Я хотел бы изменить план полета и лететь в Моав.

Оба пилота предсказуемо глянули на него как на сумасшедшего. Однако это было вовсе не так плохо, как он ожидал. Всегда самое страшное – решиться.

– Моав – это где бомба взорвалась? – спросил первый пилот, Фрэнк.

– Да. Тот Моав.

– Думаю, он закрыт, – сказал второй пилот, Ленни. – В смысле, ФАА нас близко к нему не подпустит.

– Вы это точно знаете, Ленни, или просто строите догадки исходя из новостей и сообщений в соцсетях?

Ленни глянул на Фрэнка.

– Ну мы не связывались с ФАА, если вы об этом, – ответил Фрэнк.

– Я попросил бы вас взять курс на Моав, составить план полета и посмотреть, что получится, – сказал Корваллис. – Если ФАА не разрешит нам посадку в Моаве, возможно, мы можем пролететь над ним по пути куда-нибудь еще. Мне на самом деле нужно только посмотреть на город сверху.

Фрэнк и Ленни переглянулись. Фрэнк кивнул.

– Я этим займусь, босс, – сказал Ленни.

– О'кей. Сообщите, как пойдет дело. Мне особенно интересны подробности того, как будет реагировать ФАА.

Корваллис вернулся к своему ноутбуку и онлайн-трансляциям в Миазме. Там показывали, как большой армейский вертолет взлетает с одного из лас-вегасских казино. На подвеске болталось что-то тяжелое. Вертолет взял курс на ближайшую военную базу – сверхсекретный объект, где раньше испытывали атомное оружие. В Лас-Вегасе объявили отбой тревоги. Но тут же в новостях пошла онлайн-трансляция сходного инцидента на верхнем этаже строящегося небоскреба в Манхэттене. Эти кадры боролись за эфирное время с шокирующими съемками из Моава. Впервые с начала событий мы увидели фотографии чудовищно обгоревших жертв и дерганое видео, как их выгружают из вертолета. С наветренной стороны от Моава, за линией кордонов, блогеры на лошадях и внедорожниках зафиксировали повышенный уровень радиации. Крупные СМИ игнорировали либо активно опровергали эти сообщения; видимо, правительство запретило им сеять панику. Однако соцсети отлично справляются с распространением такого рода информации, так что запрет, по сути, не действовал.

Кто-то наконец подобрался к Моаву настолько, чтобы запустить над ним квадрокоптер. Совсем близко они подойти не могли из-за армейских кордонов и радиации, но видео разрушенного города им снять удалось. Низкая частота кадров, крупные пиксели, артефакты сжатия и тенденция камеры смотреть не туда в пыли и дыму – все это создавало ощущение *синема верите*⁹, которое его намозоленному глазу начинало казаться чересчур хорошим для правды.

Внутренний мессенджер «Лайка» показывал, что Джейсон Крэбб в сети. Джейсон был сисадмином в «Нубиланте», а после продажи компании перешел в «Лайк» – ему так и так надо было перебираться в Калифорнию из-за девушки. Корваллис щелкнул по значку видеокамеры под именем Джейсона. Через минуту с экрана уже смотрел Джейсон. Он сидел на постели своей девушки, подпершись множеством подушек, и, очевидно, держал ноутбук на коленях. Борода, озаренная розоватым утренним светом, в этом ракурсе казалась окладистой и роскошной. Джейсон не стал тратить время на приветствия. Си-плюс вообще не злоупотреблял видеосвязью, а уж в такой день точно звонил не поболтать.

– Допустим, в Моаве есть компания со своим веб-сайтом или вообще какой-то формой интернет-присутствия, – начал Корваллис.

– Да?

– Сейчас она, надо думать, офлайн.

– Еще бы!

– Ладно, но давай на мгновение предположим, что мы не знаем почему. У нас есть два возможных объяснения. Тебе надо включить режим Шерлока и выяснить, какое из них верное.

– Валяй.

– Сценарий первый. Моав разбомбили, и провода вообще не доходят до города, просто болтаются на сгоревшем телеграфном столбе посреди пустыни. Сценарий второй. Моав стоит

⁹ *Cinema verité*, дословный перевод на французский названия серии советских документальных фильмов «Кино-правда» (1922–1924), выпущенных объединением КИНОКи под руководством Дзиги Вертова, – метод съемки документальных и художественных фильмов, цель которого – создать эффект максимальной искренности и естественности.

как стоял, но его интернет-провайдер выведен из строя DDoS-атакой. Либо любым другим методом удаленного взлома, который на время сделает его недоступным. Можешь ли ты отличить одно от другого, не вставая с постели?

– Мне надо будет вставать в туалет.

– Ты понял, о чем я.

– Наверное.

– Так вот, пожалуйста, выясни и перезвони мне, – сказал Корваллис и отключился.

Еще многое происходило в Манхэттене, на новостных сайтах, в соцсетях и на радио. Волна еще не достигла максимума. Будь Корваллис в числе миллиардов, верящих, что Моав и впрямь разбомбили, он бы смотрел не отрываясь и переживал. А так он чувствовал странное спокойствие.

– Я переиграл на ходу, – сказал Фрэнк.

Корваллис поднял голову. Пилот стоял в проходе и смотрел на него. Мозг не сразу осмыслил услышанное. Очевидно, Фрэнк хотел сказать, что симпровизировал – самостоятельно принял какое-то решение в расчете, что Корваллис его одобрит.

– Я составил план полета до Эль-Пасо.

– Эль-Пасо?

– Так мы пролетим достаточно близко к Моаву. Настолько, что вы сможете на него взглянуть. Но мы будем на высоте сорок тысяч футов – над зоной.

– То есть?

– Над зоной, которую ФАА для нас закрыла.

– Эль-Пасо куда дальше, – заметил Корваллис.

Фрэнк кивнул:

– Проблема одна: у нас нет столько топлива. В смысле, мы можем его растянуть, но это определенный риск. Так что надо будет сесть где-то раньше Эль-Пасо.

– Нормально, – сказал Корваллис. – К тому времени все изменится.

– Вам нормально, – ответил Фрэнк, – но я выгляжу полным кретином, составляя план полета, на который мне не хватит топлива.

– Просто скажите, с кем надо поговорить. Я беру ответственность на себя. – Корваллис не любил смотреть людям в глаза, но из наблюдений за Доджем знал, что иногда это решает дело. Так что он заставил себя посмотреть в глаза Фрэнку. – Я лично беру на себя ответственность и отмажу вас, если что.

Фрэнк пожал плечами, поднял брови и вышел.

Корваллис искал нечто, по чему скользнул взглядом, когда смотрел информацию по Мэйв Браден. Чтобы до этого докопаться, пришлось зарыться глубоко в историю браузера. Дело осложнялось тем, что он смотрел ее и в Миазме, и в закрытой файловой системе «Лайка». То, что он искал, в конце концов нашлось именно там. Это были ее личные данные, связанные с аккаунтом, – результат того, что много лет назад, регистрируясь на «Лайке», Мэйв заполнила форму и нажала кнопку «отправить». В форме она указала несколько телефонных номеров, в том числе один, начинавшийся с 011 – префикса для международных звонков из США. Корваллис уже знал про ее австралийское происхождение и при первом взгляде счел номер австралийским. Но указывать его при регистрации стоило в одном случае – если бы она и впрямь проводила много времени в Австралии.

Со второго взгляда он заметил, что код страны – 881. Не Австралия, а специальный код для спутниковых телефонов.

Корваллис не особо разбирался в спутниковых телефонах, но знал пару-тройку людей, которые их завели – либо из гиковской любви к технике, либо потому, что много путешествовали в краях, где нет мобильной связи. По всему выходило, что Мэйв принадлежит ко второй категории. Она сопровождала группы туристов на сплаве в каньоне Колорадо, где мобильные

точно не берут. У «Каньонленд эдвенчерс» должны быть спутниковые телефоны, и, конечно же, их выдают гидам.

Другой вопрос, оставила ли она его включенным и под рукой. Легко представить, что телефон выключен и лежит в гермомешке на дне рафта. Но так он может выпасть за борт, если рафт перевернется, – то есть ровно в той ситуации, когда средства связи нужнее всего. Логичнее предположить, что гид держит его при себе.

В любом случае попробовать стоило. С мобильного Корваллис из самолета позвонить не мог, зато у него был относительно приличный интернет, что позволяло сделать голосовой звонок с ноутбука. Он надел наушники, запустил соответствующую программу и вбил номер. Последовало долгое ожидание – куда более долгое, чем при обычных звонках.

– Ал-ло?! – произнес женский голос. Помимо австралийского акцента в нем слышалась досада на несвоевременный звонок. На заднем плане кто-то разговаривал и смеялся. Корваллису отчетливо представился рафт на спокойном отрезке Колорадо. Раздался глухой всплеск. Кто-то спрыгнул поплавать.

Из этого одного Корваллис узнал все, что ему было нужно: Моав не разбомбили. Однако вежливость требовала объясниться.

– Мэйв, извините, что беспокою, но это важно. Мы с вами не знакомы. Меня зовут Корваллис Кавасаки.

– Как город Корваллис? В Орегоне?

– Да. Можете загуглить меня, когда вернетесь домой. Я руководящий сотрудник в «Лайке». Компании, владеющей одноименной социальной сетью.

– Вы работаете в «Лайке»?

– Да.

– Что-нибудь с моим аккаунтом? Меня взломали?

Ему понравилось, как она задала этот вопрос. Не испуганно. Скорее так, будто взлом ее аккаунта был бы чем-то даже забавным.

– Нет. С вашим аккаунтом все хорошо. Вообще все хорошо в том, что касается вас.

Она рассмеялась:

– Тогда зачем вы мне звоните? Хотите на свидание пригласить?

– Это было бы нарушением нашей политики конфиденциальности, – ответил Корваллис. – Дело касается того, о чем вам, вероятно, следует знать.

И он объяснил, что происходит, насколько это можно было сделать, не тратя весь день. Мэйв слушала почти в полном молчании. Ей многое надо было переварить. И хотя миллионы людей в Миазме искренне верили в гибель Моава, ей, наверное, казалось нереальным слушать все это меж древних скал Колорадо, медленно скользя на рафте с веслом в руке, в шляпе от солнца, под смех резвящихся в воде Джонсов.

– Примерно в пять двадцать сегодня утром вы еще были в Моаве или где-то близко, верно?

– Я была в офисе, – сказала она. – Загружала машину.

– В центре Моава.

– Да.

– Видели ли вы что-нибудь похожее на яркую вспышку в небе? – Корваллис уже знал ответ, но должен был спросить.

– Нет. Ничего такого.

– Но интернет отключился.

– Я встала в четыре тридцать, и он работал. Через полчаса отключился. Намертво.

– Пытались ли вы звонить по мобильному?

– Джонсы пытались. Хотели дозвониться до меня примерно в пять тридцать – пять сорок. Связи не было.

- Зачем они хотели до вас дозвониться?
- Сказать, что опаздывают.
- Но вы встретились на косе и отплыли без всяких происшествий.
- Ага.
- А коса, как я понимаю, милях в двух от Моава.
- Да. Подождите минутку.

В телефоне зашуршало. Голос Мэйв долетал обрывками, но понятно было, что она объясняет ситуацию клиентам, которые услышали разговор и заинтересовались.

– Я здесь, – объявила она.

– Мэйв? Нам еще многое надо друг другу сказать, – произнес Корваллис, – но держу пари, друзья и родственники Джонсов знают, что сегодня утром они были в Моаве, и не находят себе места от волнения. Вам, вероятно, стоит им позвонить.

– Интересно, почему они не позвонили сами?

– Вероятно, у них нет номера спутникового телефона. Чтобы его получить, надо дозвониться до вашего офиса...

– А вся связь оборвалась, ага. Ладно. Как мне вам перезвонить, Корваллис?

Он продиктовал номер, Мэйв повторила по-военному четко, что внушило ему просто невероятное доверие. Затем без дальнейших формальностей отключилась.

Тем временем Джейсон Крэбб написал ему по внутренней электронной почте то, что он уже и так знал: полное отключение Моава вызвано обычной DDoS-атакой.

Корваллис позвонил Лауринасу, своему начальнику, пятьдесят девятому в списке богатейших людей мира. Тот вместо «здрасьте» сказал:

– Не продавай свои акции.

– Что-что?

– В смысле, после открытия торгов. Юротдел сейчас рассылает инфу всем сотрудникам. Корваллису потребовалось несколько секунд, чтобы уловить логику.

– Ты знаешь, что моавские события – фейк, – сказал он наконец.

– Да. Это все очевиднее.

– Ты боишься, что наши акции рухнут. Потому что многое шло через нашу площадку.

Мы недосмотрели. На нас подадут в суд.

– Но сейчас это закрытая информация, Си, и любая продажа акций будет инсайдерской сделкой.

– Усек.

– Где ты? Помимо того что в самолете.

– Лечу в Моав.

Лауринас рассмеялся. Судя по всему, впервые с начала дня.

– Кроме шуток?

– Когда у меня возникли подозрения, я попросил пилотов изменить курс.

– Супер. – Лауринас был на десять лет младше его. – Попытаешься сесть в Моаве?

– Вероятно, нет. У меня еще нет четкого плана.

– Ты просто переиграл на ходу. Супер!

– Спасибо.

– Когда у тебя возникли первые подозрения, Си?

– На подсознательном уровне – из-за бредятины про моавитян.

– Ты о чем?

– Видеообращение террористов, где они взяли на себя ответственность за атаку.

– Да. Очень длинное, – сказал Лауринас, оправдываясь. – У меня не было времени посмотреть его до конца.

– Этот тип много цитировал из Ветхого Завета, про древних моавитян и какие они были плохие. Родились от кровосмешения и все такое.

– Как будто оправдывал атаку на Моав в штате Юта.

– Да, и на каком-то уровне я думал, это обычные их завиральные идеи, но в то же время мне хотелось сказать: «Слышь, чувак, вы могли разбомбить любой старый город по своему выбору, так чего вас понесло в какой-то Моав?» В смысле, на кой ляд заморачиваться с предупредительным выстрелом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.